

ДЕМОКРАТИЯ КАК ВЫРОЖДЕНИЕ

Демократия – это правление коррумпированных и жадных проходимцев.

Жорж Сорель

Уголовно-политические сообщества имеют свое признанное за ними место в демократии, достигшей зрелости.

Жорж Сорель

Опыт показывает, что во всех странах, где демократия может свободно развиваться сообразно своей природе, господствует подкуп в самом чистом виде, причем никто не считает нужным скрывать свои мошеннические проделки.

Жорж Сорель

Если демократия не всегда и не всюду проявляет деспотизм, это говорит об одном: ей никогда не удавалось целиком упразднить учреждения, которые по своему существу смягчают власть.

Жорж Сорель

Демократия заставляет закрывать фабрики, превращает в ничто торговые сделки, губит торговлю, промышленность, земледелие и государство.

Пьер Жозеф Прудон

Деньги! Деньги – только деньги – вот нерв демократии, так же как и войны. Дайте демократии много денег, и она сделает всё, что хотите.

Пьер Жозеф Прудон

Самый серьезный недостаток демократии – возрастающая посредственность людей, стоящих во главе управления.

Густав Лебон

Демократия не выносит превосходства над собой управляющих ею лиц.

Густав Лебон

Современная демократия – порождение либерального взгляда на мир, лживого, как сам либерализм. То, что сегодня называют демократией, не имеет ничего общего с обозначенным этим термином социальным строем в древнегреческом городе-полисе, где всей властью пользовалось незначительное меньшинство населения. Власть же в современном обществе осуществляет парламентское представительство влиятельных партийных групп, всегда фальшивое по существу и по форме. Это и есть подлинная демократия в политическом смысле и без всяких кавычек.

Исторический путь демократии, как оформленной политической системы, начался с английской революции XVI века, но ее основные черты сформирова-

лись после французской революции 1793г., которую теоретически подготовили так называемые просветители /«свобода, равенство, братств»/. Выхолащивание смысла этих общих слов началось сразу после укоренения нового порядка. Все преимущества этой словесной триады достались обладателям крупных денег. С тех пор продолжалось безостановочное вырождение демократии, прошедшее через этапы кажущегося освобождения от пут иерархического подчинения, которое должно было остаться в прошлом, но лишь приняло новую изощренную форму.

Крупнейшие социальные мыслители XIX – XX веков сделали глубокий анализ сущности и перспектив демократического управления. Их выводы не только сохранили силу, но приобретают всё большую остроту в ходе стремительной деградации демократии в XXI веке. Поэтому изложение их идей ломает рамки исторического экскурса, давая ясное понимание процессов, происходящих в крупных государствах, представляющих лицо современной демократии.

Пьер Жозеф Прудон /1809-65/, Жорж Сорель /1847-1922/ и Густав Лебон /1841-1931/ – трое французов, принадлежавших к разным направлениям общественной мысли, исповедовавших различные политические взгляды, с исключительной яркостью описали демократию в ее крупных чертах и мелких подробностях.

Идеи социального мыслителя Пьера Жозефа Прудона сформировались в последние годы Июльской монархии во Франции. Основная мысль двух его главных трудов: «Исповедь революционера» /1849г./ и «Общая идея революции XIX века» /1851г./ – разрушение политического государства и организация общества в экономическую федерацию. Прудон объяснял капиталистическую эксплуатацию неэквивалентным обменом в буржуазном обществе, нарушающим закон трудовой стоимости и ведущим к ограблению финансовыми капиталистами всех трудящихся классов, в том числе «трудящуюся буржуазию». Для уничтожения этой эксплуатации он считал необходимым провести реформу обращения, организовать безденежный обмен товаров и беспроцентный кредит, сохранив частную собственность на средства производства. По мнению Прудона, эта реформа приведет к преобразованию капиталистического строя в строй равенства, превратит всех людей в работников, обменивающихся равными количествами труда.

Таким образом, преобразование общества произойдет мирным путем, на основе сотрудничества пролетариата и почти всей буржуазии. При этом Прудон ставил условием отказ от политической борьбы, как источника обострения классовых противоречий. Согласно его теории должно быть уничтожено государство, как главное орудие угнетения, раскола общества и паразитизма.

На этих идеях Прудон в 1845-47гг. строил проект «прогрессивной ассоциации», объединявшей на принципах «мютюэлизма» /взаимопомощи/ ремесленников, рабочих, владельцев мелких предприятий и торговцев для «эквивалентного обмена» товарами. Революционный смысл этой теории заключался в отвержении коммунистического проекта Маркса и одновременно – в непризнании самостоятельного значения крупной собственности. Прудон обосновал свою теорию в книге «Система экономических противоречий или философия нищеты» /1846./, послужившей объектом злобных нападок Карла Маркса, не признававшего иного пути переустройства общества, кроме кровавой революции.

В дальнейшем социально-политические взгляды Прудона сочетали нападки на буржуазную реакцию и критику демократии, как политической системы, связавшей интересы трудящихся с жестоким миром капитала. Отвергая религию и церковь, Прудон выводил свою идею «уравнения» из законов абсолютного разума, управляющего миром и осуществляющего «вечные законы справедливости».

Движущей силой развития общества он считал противоречия между личностью и обществом, определяющие универсальный закон «колебаний» в экономике, идеологии и политике, отчего исторический процесс совершается в виде «движения маятника». Этот закон нельзя уничтожить, утверждал Прудон, но можно ограничить его действие, введя развитие общества в эволюционное русло постепенной реализацией прав «автономной личности». Эти права он и считал истинным критерием общественного прогресса.

В своих трудах Прудон изложил собственную теорию государства. Здесь он представил анархическую идею «социальной ликвидации» – замены государства договорными отношениями между гражданами, общинами и группами производителей. Всем им предлагалось сотрудничать в эквивалентном обмене товарами и услугами. В позднем сочинении «О федеративном принципе» /1863г./ Прудон заменил идею ликвидации государства планом раздробления современного централизованного государства на автономные области. Двумя годами раньше в книге «Война и мир» он объявил войну международного «источником права», которое переносилось вслед за этим на внутреннюю жизнь государства. Проблемы свободы, морального совершенствования и «достоинства» Прудон поднял в сочинении «О справедливости в революции и церкви» /1858/. В нем он в частности настаивал на том, чтобы женщины не работали и не участвовали в общественной жизни, считая эти сферы делом мужчин.

Признавая необходимость перехода предприятий крупной промышленности и железнодорожного транспорта в управление коллектива рабочих и служащих, Прудон отстаивал сохранение частной собственности на мелких и средних

предприятиях, а также в сельском хозяйстве. В предсмертном сочинении «О политических способностях рабочего класса» /1865г./ он представил программу мютюэлизма, завершив, таким образом, разработку одной из главных идей своего социального творчества.

Прудон объявил государство источником несправедливости и насилия, используя в качестве примера Францию, начиная с революции 1793г. Он описал губительную роль централизации государственной власти, прошедшей через этапы Комитета общественного спасения, якобинства, империи и последующих правительств. В результате, писал Прудон, возник хаос, возрастающая нищета рабочих и растущая развращенность правящих сословий. Двойной процесс роста производительности индустрии и усиления эксплуатации рабочего привел к росту преступности и постепенному «вырождению племени», раздуванию государственного долга и бюджета государства. Другие последствия централизации – разрастание чиновничества и армии. Налоги падают на работников, из средств от эксплуатации которых богатые платят свою часть налогов. Довершает картину подлость управителей: казнокрадство, взятки.../«продажность – душа цивилизации»/. Таким образом, в конце XIX века существует достаточно причин для революции, сделал вывод Прудон.

Исходя из своего анализа, он отрицал государство «как единственную форму, в которой может существовать человеческое общество, и принцип власти, выражающийся в законе, как необходимое условие справедливости». Прудон отвергал необходимость сохранения министерства иностранных дел, военного министерства, судов и т.д. «Угнетение народов и их взаимная ненависть могут исчезнуть лишь вместе с уничтожения их общей причины – правительства», считал он. – «Когда в каждой стране...не будет ни национальности, ни отечества *в политическом смысле*...человек будет туземцем мира, будет всюду гражданином». Эту космополитическую идею Прудон, однако, обосновал таким образом, что ее можно было истолковать в противоположном смысле *сохранения нации*. **«Нация может выносить правительство,...пока это правительство ее собственное... Но если власть чужда нации, последняя чувствует ее как оскорбление; мятеж тлеет во всех сердцах, и учреждение не может долго держаться»**. Подобная многозначность – отличительная черта диалектического мышления Прудона.

Это свойство мысли французского социолога проявилось в представленной им картине *одновременного совершения революций по всей Европе*. «Главные вопросы международной политики будут решаться по началам *анархического социализма* – утверждал он. – России не будут нужны Кавказ и Босфор, Англии – Египет и Гибралтар, Франции – ее расширение, достаточно будет ее влияния в Бельгии, Женеве... Всякая забота о европейском равновесии под предлогом

национальности и независимости государств, всякое предложение заключать союзы, признавать независимости, возвращать провинции, переносить границы...обнаружат в представителях движения полнейшее непонимания потребностей века, презрение к социальным реформам и реакционный умысел».

Если отвлечься от преходящих обстоятельств времени, открывается удивительное сходство с планами преобразования Европы в единую федерацию, разработанными немецким идеологом первой половины 40-х годов XX века Вернером Дайцем. В следующем веке эта искаженная либералами идея претворилась в их проект объединения Европы под властью космополитического мирового центра.

Прудон не случайно отвергал *политическую власть*, как источник противоречий, неразрешимых при капитализме. В «высшей общественной форме», писал он, *договор* определяется отношением человека к человеку. Так исчезает идея власти. Теряют силу закон и политический порядок. Его заменяет экономический /промышленный/ порядок. Люди уже не повинуются закону, а соблюдают свободно обсужденные и принятые договоры. Такой строй Прудон назвал *безвластием*. Несмотря на утопичность этого плана в целом, решительное осуждение буржуазной системы власти указывало на возможность устройства общества, в котором вместе с разделением на классы исчезает эксплуатация работников хозяевами. Непреходящая ценность этой идеи заключается в неоднократно предпринимавшихся попытках ее воплощения «справа» и «слева». Будущее, несомненно, вернется к этим планам, для того, чтобы заменить более справедливым порядком тот, который породила буржуазная демократия.

Пьер Жозеф Прудон убедительно доказал лживость «выборного народного представительства», продолжающего искушать общественное мнение, воспитанное на идеях абстрактного гуманизма, ведущего отсчет с XVIII столетия. Корни этого несчастного мировоззрения французский социолог обнаружил в Общественном Договоре Руссо, утверждавшего, что народ не может управлять сам собой и потому должен иметь выборное представительство. «Он сделал преобразованную тиранию почтенной, выведя ее из народа, перенеся правительственный принцип самодержавия с монарха на народ. Соорудив под обманчивым именем Общественного Договора уложение капиталистической и торговой тирании, женеvский шарлатан пришел к заключению, что пролетариат необходим, что нужны диктатура и инквизиция», – писал ученый.

Он испытывал глубокую ненависть к Робеспьеру – восстановителю верховного существа, который тоже был за представительное правление и усиление централизации власти. Затем Директория восприняла эту идею. Прудон сравнил якобинцев 1793 и 1848 годов, «дважды погубивших революцию» /«увы! измена всегда приходит от своих!»/. Результатом последовавших политических измене-

ний стал двусмысленный парламентский режим. «Я могу примириться с людьми, потому что подобно им подвержен заблуждениям, но с партиями никогда! Пусть же они продолжают, ибо, увы! революция не так-то скоро освободится от уз. Мы охотно пожертвуем инициативой и отдадим ее более умеренным, лишь бы они совершили революцию», – писал Прудон, понимая революцию в смысле коренного изменения социального строя, но без обязательного насилия, на котором настаивал марксизм.

В этой связи глубокий смысл заключает его идея *умеренности*, предполагающая возможность вынужденного ухода от власти обессилившей буржуазии. Предложенный ученым план мирного завоевания власти и уничтожения парламентского режима уже не выглядит утопичным после сравнительно безболезненного устранения демократии в Италии 20-х и в Германии 30-х годов.

Демократия и бессмысленно многоликий парламент неизменно подвергались яростной критике Прудоном, отвергавшим саму идею народного представительства и обвинившего демократию в авторитаризме. Об этом он писал в книге «Решение социальной проблемы» /«Solution de Probleme soziale»/. «Люди из народа, представляющие будто бы всеобщую волю, сделавшись правителями, представляют новые чувства и интересы, совершенно отличные от масс, так как всякий правитель находится в полном противоречии интересов с управляемыми. Они делаются сообщниками эксплуататоров», – писал Прудон, утверждая, что «всякое намерение сохранить свободу под властью, учредить власть *либеральную*, есть противоречие, нелепость». – Условное полномочие не достигает цели, рассуждал он, так как каждый избранник представляет лишь часть народа, и воля тех из них, кто представляет меньшинство народа, будет попорана, когда единственный уполномоченный может склонить голосование в другую сторону. – Прудон назвал такую систему «парламентской нелепостью и главным орудием политического мошенничества».

«Народ, к которому в феврале не посмели обратиться за его мнением о республике; народ, который 16 апреля и после июньских дней огромным большинством голосов высказался против социализма; народ, избравший Луи Филиппа из благоговения к императору; народ, назначивший – увы! Учредительное собрание, а потом Законодательное, да! народ, не вставший 17.06., не пикнувший 31.05; народ, подписывавший адреса и за и против пересмотра конституции, – этот народ предполагается осененным свыше знанием и пониманием, чтобы выбирать между гражданами добродетельнейших и способнейших, и уполномочивать их организовать между ними Труд, Кредит, Собственность, Власть! И его выборные, вдохновленные его премудростью, предполагаются непогрешимыми! Полно, будем откровенны! Общее избирательное право, условное полномочие, ответственность представителей – всё это пустяки; я не доверю им моего труда,

моего спокойствия, моего состояния; для защиты их я не рискну ни одним волосом на своей голове...».

Утверждение о том, что народом манипулируют, а он сам неспособен на политическую самостоятельность, в сочетании с отвращением к многопартийной системе, придают антидемократизму Прудона особый психологический смысл. «Сто тысяч голосов, переспрошенных порознь и отвечающих каждый сообразно своему личному мнению; сто тысяч голосов, поющих каждый про себя и на разные тона, составят только ужасающую нескладицу, и чем больше будет голосов, тем ужаснее будет нескладица», – писал социолог. *Впоследствии Ницше развил эту идею в целую политическую систему.*

Хотя Прудон не рассматривал возможность выхода из тупика парламентаризма организацией власти авторитарным способом, например, волей национального диктатора, представляющего *весь народ*, важно, что острие его критики направлено против *буржуазной* системы власти, порожденной либерализмом. Описание строя, сохранявшего единство народа и государственного руководства вне рамок демократии, стало достижением следующего поколения мыслителей. Прудон, целиком погруженный в атмосферу буржуазного государства, не занимался этой проблемой.

Французский мыслитель объяснял свой скептицизм экономической подчиненностью большинства избирателей, не имевших возможности оценить достоинства своих выдвиженцев. – Люди, погруженные в свое ремесло, не могли с достаточной глубиной вникать в политические проблемы. Однако, считал Прудон, **ситуация изменится коренным образом, когда с ликвидацией политического государства народный выбор будет совершаться среди рабочей корпорации.**

Корпоративный замысел Прудона открывал совершенно новую перспективу, так как государственное устройство корпоративного типа не могло ограничиться единственной корпорацией, но должно было включить в себя *разнообразные корпорации* производителей и потребителей, т.е. общество в целом. Этой гениальной идее, вероятно, принадлежит будущее. – Все остальные государственные системы – буржуазного или интернационально-социалистического свойства – безвозвратно скомпрометировали себя. Сила Прудона вытекает из его системы мышления, сочетающей ряд непреложных принципов с особым рода творческой недоговоренностью, хранящей богатые возможности для осуществления различных вариантов общественного развития.

Обзор французских событий в «Исповеди революционера», посвященный в основном истории февральской республики 1848г., – яркий пример *обобщающей*

мысли Прудона. Это описание не утратило ценности за давностью лет, рисуя типичную картину последовательного разложения при всяком перевороте, происходящем без участия *сознательной национальной силы.* Прудон изложил события, подчеркнув их неизменную суть в части, касающейся главного принципа государственного устройства. Свержение монархии в 1789г., конвент якобинцев, Директория, диктатура Бонапарта, восстановившего «сколько мог старый порядок»; реставрация монархии, изгнание Карла X; июльская монархия Луи Филиппа, с 1830г. правившего 18 лет – «гносного развратителя принципов», сводившего всё к деньгам, к «торгашескому позитивизму» – этапы французского падения. «Капитал утвердился в 1830г., как единственный принцип, имевший шансы на долговечность... В 1848г. парламентская ссора повергла в грязь блудницу», – сообщал социолог.

Прудон доказывал бессмысленность революции 1848г., когда декретом 24.02. было основано «Правление труда». Но народ «поспешил восстановить власть и дал ее в руки нескольких человек... Здесь в последний раз с поразительной ясностью обнаружилась неспособность правительства делать революцию. Оно не сделало ни малейшего опыта какой-либо земледельческой или промышленной организации». Это правительство показало, что оно несовместимо с трудом. Таким образом, «народ учредил «правительство революции», не поняв, что революция требует, прежде всего, отмены правительства», – заключал Прудон.

Затем партийные махинации сорвали все попытки народа извлечь для себя выгоду из бурных событий. Во Временном правительстве были тогда разные элементы: недавние роялисты /Ламартин/, республиканцы /Бастид и Марраст/, якобинцы /Ледрю Ролен/, правительственные социалисты /Луи Блан/. Последний и организовал манифестацию, желая сосредоточить власть у себя и своих друзей. Но, убоявшись сторонников «коммунистического» лидера Огюста Бланки, Луи Блан распустил собравшихся, после чего «соединился с консервативным большинством Временного правительства».

Прудон высмеивал эту демократическую чехарду и все инициативы правительства: «пустозвонные прокламации, отмену дворянских титулов, уничтожение монархических надписей на памятниках... Правительство приглашало народ к терпению, одновременно усилив войска и полицию. Всколыхнулась общественность... Публика и печать ставили власти всевозможные требования». Жорж Занд пела гимны пролетариям. «Не случись февральская революция, – писал Прудон, – никто не знал бы, какая бездна глупости скрывается в глубине французской публики. Это мир Панурга... Неужели Бланки и его партия были не совсем неправы, замышляя хорошим ударам народной метлы очистить эти авгиевы хлевы вместе с ратушей?».

17 марта произошла манифестация 200 тыс. рабочих. – Народ пытался очистить правительство и отсрочить общие выборы, чтобы дать ему время действовать. 16 апреля рабочие корпорации организовали еще одну манифестацию, требовавшую нового очищения правительства. Тогда Ледрю Ролен вызвал национальную гвардию, которая разогнала ее с криками: «Смерть коммунистам!». Так Ледрю Ролен победил Луи Блана, которого манифестанты хотели видеть диктатором.

Прудон сделал ясные выводы из обеих манифестаций: **Революцию нельзя делать посредством завоевания власти, этот образ действий не только не полезен для дела революции, но, напротив, служит лишь к преданию страны в жертву всё более сильной реакции**». Это заключение соответствовало европейским условиям и не утратило силы в следующем столетии. Недаром германские национал-социалисты после неудавшегося путча 1923г. встали на мирный путь обретения власти и реализовали свой замысел *законным путем* на выборах десять лет спустя.

Когда 15 мая открылось Национальное Собрание, в котором преобладали консерваторы, в Европе поднялось общее революционное движение: восстали Вена, Берлин, Милан и Польша против России. Прудон, критиковавший «ублюдковый *французский социализм*», торжествовал: «Социализм сделался *интернациональным*, всюду в пролетариате обнаруживаются одни и те же стремления... Время исключительно национальной борьбы прошло, и теперь всякая социальная революция должна быть революцией европейской, в противном случае она обречена на поражение». – Стоит заменить в этом восклицании *пролетарскую революцию* на *революцию справа*, как в нем обнаружится скрытый смысл, вполне применимый к будущим событиям. Во всяком случае, толкование революции Прудоном далеко отстоит от замышлявшегося марксистами коммунистического партийного переворота.

В феврале 1848г. после десятилетнего тюремного заключения вышли на свободу руководители тайного общества – радикальные революционеры Бланки и Барбес, вновь включившись в борьбу. По свидетельству Прудона, Бланки обладал неутомимой энергией и организаторским гением, но «ссоры между двумя революционерами парализовали народные силы и облегчили торжество реакции». В третейском суде Прудон, не претендовавший на роль ведущего идеолога социалистов, приглушил их политические раздоры, представ в новой для себя роли умиротворителя.

Еще 25.02. Временное правительство, с первого дня гарантировавшее право на труд, учредило Национальные мастерские для организации общественных работ. Их работники были сторонниками правительства и отговаривали рабочих

группы от бунта. Но когда Собрание открылось, умеренные Мастерские уже представляли опасность для реакции. Монархисты Собрания обвиняли их в организации государственного коммунизма. Дело закончилось мятежом 26.06. и расстрелом бунтовщиков генералом Кавеньяком. В этот острый момент, Прудон, как чистый идеолог, бездействовал.

Но 31 июля он произнес в Собрании знаменитую двухчасовую речь. «Подобно тому, как политическое равенство несовместимо с монархией и аристократией, обеспечение труда несовместимо с царством денег и аристократией капиталов... Одно из двух – или собственность погубит Республику, или Республика уничтожит собственность!», - восклицал Прудон. «Напрасно вы вычеркивали бы право на труд из будущей хартии; этим вы оставите в ней пробел, где наряду с правом на труд будет подразумеваться *право на восстание*». Таким образом, «умеренного» Прудона не пугала возможность революционного переворота. В заключение он сказал: **«Капитал трусит, и инстинкт не обманывает его; социализм наблюдает за ним. Жиды не вернутся; я им запрещаю!»**. Собрание отреагировало на эту речь с яростью. В его резолюции сказано: «Предложение г-на Прудона есть гнусное покушение на начала общественной нравственности; оно нарушает собственность, ...взывает к самым худшим страстям». «Среди этого рычащего скотства» один Греппо поддержал Прудона.

Автора речи предали суду по обвинению в нападении на собственность, в возбуждении презрения к правительству и в оскорблении религии и нравственности. Однако суд присяжных оправдал Прудона, которого в последние месяцы 1848г. преследовал хор проклятий, насмешек и оскорблений. Но он странным образом видел в этой ярости против него доказательство нравственности общества. Буржуазия будто бы протестовала против социализма, потому что отождествляла его с кражей. Это был психологический парадокс не без верности в глубине.

Однако после всех событий «социализм» не был уничтожен. 17.09. радикалы Распайля избрали в народные представители от Парижа. Тогда республиканцы, убедившись, что социальные идеи обрели влияние, объявили себя сторонниками социализма. Прудон разоблачал этот «правительственный социализм», называя его переборкой ходячих утопий и бессильной филантропией для отвода глаз народу. Но он принял во внимание и другие соображения. Неумно, считал Прудон, отвергать помощь консерваторов, которая доставляла социализму огромную силу.

Социализм в союзе с демократией мог устранить реакцию, писал он. Такое «непарламентское» понятие о демократии имело свою провидческую сторону. Кажущаяся мягкость Прудона, искавшего любую возможность усилить соци-

алистические позиции, предусматривала вариант сравнительно безболезненного обретения власти /«законодательная власть выступит в последний раз»/. В его поведении не было ни отступничества, ни трусости. Но сила анализа позволяла Прудону с большим реализмом предвидеть будущее в сравнении с анархистом следующего поколения и более догматичным в вопросах насилия Жоржем Сорелем. Вновь возникает аналогия с Германией 1930-х годов, когда бессильная «демократия» и бестолковая «реакция», имевшие в глазах национал-социалистов, как и у Прудона, одинаково отрицательный смысл, послужили трамплином для завоевания власти.

04.11.1848г. Собрание Франции 739 голосами против 30 /включая Прудона/ приняло республиканскую конституцию. 10.12. был избран президент республики. Им стал Луи Бонапарт. «Франция – эта самозваная царица наций, увлекаемая своими попами, романистами и кутилами, – писал Прудон, – избрала Луи Бонапарта, потому что утомлена партиями». 13 мая 1849г. выборы в Законодательное собрание дали 4/5 мест реакционерам всех видов и 1/5 социальным республиканцам.

Отвернувшись от политических баталий, Прудон перешел к делу. В январе 1849г. он открыл контору негосударственного Народного Банка /НБ/ и стал его директором. Прудон считал, что с запрещением спекулятивных операций капитал утратит свое царство вследствие уничтожения процентов и ренты /подобную идею воплощал в жизнь экономический лидер Германии 30-х годов Готфрид Федер/. Однако организации дарового кредита оказалось недостаточно для свержения оплотов собственности. Через два с половиной года после образования Народного Банка, число участников которого доходило до 60 тыс., Прудона заключили в тюрьму на три года, и НБ лопнул.

Однако мысль социолога выходила далеко за пределы текущих событий. Когда в обществе существует достаточная причина для революции, никакая человеческая власть не помешает ей произойти. Препятствующие усилия правительства или привилегированных классов только увеличивают ее силу; они помогают революционной идее формулироваться, утверждал он. – Здесь описана ситуация, подходящая для всякого революционного порыва, в том числе «крайне правого».

В 1848г. Прудон боролся против апостолов коммунистического братства, справедливо предвидя нестерпимую тиранию в их планах уничтожения наемного труда и замены его *всюду* ассоциативным трудом, необходимым, по его мнению, лишь в сложных многоступенчатых производствах. Мелкие и средние производства и в особенности крестьянский труд всегда будут нуждаться в частных владельцах, считал он. Реализм Прудона проявился в его признании законной

формой труда наемный труд. Единственную несправедливость буржуазного порядка он видел в том, что «повинность» платится предпринимателем или крестьянином собственнику-капиталисту. Таким образом, Прудон, в сущности, предусматривал возможность сохранения капитализма при условии его глубокого качественного преобразования.

«Надо обратить на пользу революции самую реакцию, доведя ее до пароксизма и истощив страхом и утомлением... Надо поднять упавший дух работников,...поставить социальный вопрос с удвоенной энергией, с энергией почти терроризма, придав ему традиционный и европейский характер; упрочить революцию, принудив консерваторов самим служить демократии для защиты своих привилегий и, таким образом, отбросить монархию на задний план. Надо победить власть, ничего от нее не требуя; доказать паразитство капитала, заменив его кредитом; основать свободу личности организацией инициативы масс». – Это богатое мыслями суждение обращает внимание терминологией, как будто взятой из разных источников несовместимого свойства: «революция» и «терроризм» соседствуют в нем с сохранением «реакции» и принуждением консерваторов служить демократии... Но его глубокий непротиворечивый смысл озарен властным настроением решительных перемен *внутри капитализма*, как бы ни назывался грядущий социальный порядок /продолжение монархии исключалось/.

Это сохранение смысла идей, перетекающих из одного контекста в другой, – важная особенность стиля Прудона. В его мысли наивность соседствует с элементами гениального прозрения. Остаток консерватизма придает идеям мыслителя дополнительную солидность. Не случайно революционные критики системы Прудона упрекали его в нежелании уничтожить буржуазию, а предложенную им кредитную систему – в «несоответствии рамкам революции», как ее понимали марксисты.

«Наша революция будет предшествовать всякому организационному факту, – писал он. – Организация только заявляет революционный факт и условия труда». Таким образом, работники овладеют предприятиями, землями и т.д. «помимо всяких теорий», не заботясь о том, записан ли этот акт у социалистических мыслителей как коммунизм или коллективизм. «Это великое движение уничтожения существующего порядка и вступление во владение общественным капиталом, – продолжал Прудон, – совершается путем *местного мятежа*, непосредственно производимого самим народом, а не руководимого диктатурой центральной власти. Поэтому по окончании революции в наличии оказываются лишь общины и рабочие группы, которые федерируются как хотят и входят между собой в свободные соглашения».

Важно, что Прудон не отрекся совершенно от революционного образа действий. Он, правда, строил свою схему на полюбившей ликвидации, но предусматривал случай: если буржуазия не согласится на сделку /в чем она мастерица/, то произойдет революционный погром. Тогда не будет речи о предложенном им выкупе или вознаграждении, но пролетариат совершит экспроприацию «во имя права войны и возмездия» /!/. Однако он желал мирного исхода.

Авторитарный коммунизм Маркса Прудон решительно отверг за то, что он монополизировал собственность в пользу государства. Для народа это обернется господством чиновников, по своему произволу располагающих общественным капиталом, а разрешение на его использование марксовы рабочие ассоциации должны будут тогда испрашивать у чиновника /еще одно предвидение Прудона!/.

Восприимчиком идей Жозефа Прудона, но, прежде всего, самостоятельным социальным мыслителем стал Жорж Сорель /«Размышления о насилии», 1906г./ . В отличие от Прудона Сорель воспринял некоторые положения марксизма, но значительно переосмыслив их, продолжал считать себя сторонником Маркса, прежде всего, в идее революции /насильственного переворота/, которую он понимал, однако, совершенно иначе. Первоначально он считал себя представителем «новой школы марксизма», однако в дальнейшем подверг марксизм критике по многим позициям, противопоставив «научному социализму» концепцию революционного анархо-синдикализма.

Сорель отрицал необходимость пролетарской партии, выступал против участия рабочего класса в политической борьбе /«Социальные очерки современной экономики»/. Революцию он представлял волевым иррациональным стихийным актом, порывом народа. Революционные принципы были для него мифами, аналогичными мифам религии. Прельщенный интернационализмом и неудачно искавший национальный смысл в грядущих преобразованиях Сорель сосредоточился на описании **мифа**, в котором снимались многие противоречия беспокойной мысли социолога. Единственными носителями социалистических идей Сорель считал профсоюзы /синдикаты/. Религия представлялась ему существенной стороной жизни и человеческой деятельности, очагом героизма и аскетической нравственности. Он постоянно искал новые формы активизма.

Перед Первой мировой войной Жорж Сорель пришел к соглашению с националистической роялистской организацией «Аксьон Франсез». Одновременно он критиковал «парламентский кретинизм» французской и немецкой социал-демократии, выделяя положительные особенности Германии даже в левом движении. Проявив редкую прозорливость в осмыслении событий, казалось бы, не совпадавших с его образом мышления, Сорель по-своему оценил значение Ок-

тябрьской революции 1917г., призывая к помощи Советской России. Его привлекали революционные тенденции в итальянском рабочем движении.

Свой главный труд «Размышления о насилии» /1906г./ Сорель начал с обвинения «парламентских социалистов» в пренебрежении к революции, утверждая, что «парламентский механизм заменил им ружье» /*вслед за Анри Тюрго он называл их реформистами*/. – Здесь обнаружилась склонность Сореля к оценке событий и лиц в марксистском стиле. Его возмутили слова Клемансо: «Я сторонник патриотизма» и Леона Буржуа: «Цели можно достичь, подавляя и уничтожая классовую борьбу, устроив так, чтобы все считали себя носителями общего дела». – Хотя оба высказывания носят нейтральный смысл по отношению к революции, которая может совершиться и справа, и слева /в консервативном или марксистском духе/. Сорель не принимал идею установления социального мира, так как, отличие от Прудона, был *безусловным* сторонником революции, если понадобится – в крайней форме.

Его радовало, что «с тех пор, как республиканское правительство и филантропы задались целью уничтожить социализм, развивая социальное законодательство, и сдерживая хозяев в их репрессиях во время стачек, конфликты принимают гораздо более острую форму, чем раньше». Теория и поступки этих «миротворцев» «основаны на неопределенном понятии о *долге*, тогда как *право* покоится на точных определениях», – писал Сорель. Смысл этого противопоставления проясняется в его утверждении: «*Нет долга социального*, как нет долга международного».

Таким образом, Сорель из революционных соображений осуждал классовый мир в государстве, не принимая в соображение, что **социальный мир необходим государству для нормального развития, если только он не связан с консервацией государственного упадка**. Ученый, однако, с постоянным сомнением размышлял о Германии: «Наши романские страны представляют очень большие препятствия для осуществления социального мира, потому что внешним образом классы разграничены гораздо сильнее, чем в странах германской расы».

Сорель не уставал обличать характерные особенности парламентской жизни и советовал пролетариату использовать все средства для достижения своих выгод: «Депутаты решают дела, имея в виду лишь интересы влиятельных избирательных кадров, стараясь не возбуждать особенно громких протестов в лагере тех, интересы которых принесены в жертву... У рабочих нет денег, которые они могли бы предложить депутатам, но у них есть гораздо более действенное средство: они могут пугать, и уже несколько лет они широко пользуются этим оружием».

Главный фактор социальной политики Сорель видел в трусости правительства. – «Больше всего удивляет даже самих рабочих тот страх перед их силой, когда магистраты опасаются призывать войска, а офицеры переносят оскорбления и толчки. Префект стремится избежать обострений, пытаясь запугать обе стороны и привести их каким-то образом к соглашению». Во Франции, отмечал Сорель, тактика непосредственных революционных действий обретает популярность и сочувствие.

Он снова привел слова Клемансо по поводу французских отношений с Германией, применив их к социальным конфликтам: **«Нет лучшего способа заставить противную сторону повышать свои требования, как политика бесконечных уступок. Всякий человек, всякое государство, принужденные во всем уступать, в конце концов, должны уничтожиться. Кто живет, тот сопротивляется; кто не сопротивляется, того растащат по кусочкам».**

Затем Сорель перешел к главной теме своего сочинения: «Трудно понять насилие пролетариата, если исходить из понятий, распространяемых буржуазной философией, которой насилие представляется остатком варварства, которому предстоит исчезнуть под влиянием прогресса». *В этом пункте социолог прав: целесообразность насилия нередко оправдывает суровые действия. В решающие моменты истории оно бывает необходимым условием обновления. Но пресыщенные богатством и властью слои общества страшатся бунта, боясь потерять отнятое у народа силой и хитростью.* Анализ насилия Сорелем обнаруживает в нем множество свойств, которые проявляются в действии. **«Насилие пролетариата, которое не поддается никакой предварительной оценке, может подвергнуть сомнению и уничтожить всю дипломатию социалистов»**, – писал Сорель. Это утверждение вытекает из анархической установки на стихийное развитие революционных событий. Но оно также верно по существу, так как стихия революции всегда порождает новые неожиданные формы борьбы, которые нельзя предсказать.

«Насилие пролетариата...восстанавливает классовые различия, когда они, казалось, смешались в одном демократическом болоте». – Еще одна ценная мысль социолога, предостерегающего против добродушной пассивности эксплуатируемого народа.

Сорель не останавливался на интуитивных оценках будущих событий. Он советовал синдикалистам побуждать пролетариат к «постоянному усовершенствованию его организаций, чтобы создать из них учреждения, не имеющие прообраза в буржуазном обществе». – *Эта идея может быть использована внутри любого режима, намеченного к ликвидации, насколько удастся преодолеть его сопротивление подобным новациям.*

Размышляя о революции, Сорель привел суждение Г. Лебона на эту тему: «Густав Лебон говорит, что все, кто указывают на революционные инстинкты толпы, глубоко ошибаются, так как все ее стремления консервативны, а распространение социализма является лишь результатом умственного вырождения буржуазии; массы, по его словам, всегда пойдут за цезарем». «В этом заявлении, основанном на очень разностороннем изучении истории, много правды, – писал Сорель, – хотя нужно прибавить, что это относится только к тому обществу, в котором отсутствует идея классовой борьбы». Он не привел примеров такого общества, но сочувственное цитирование последовательного противника социализма Лебона, говорит о том, что Сорель допускал возможность существования *государства /а не первобытного общества/* с гармонично сбалансированными социальными отношениями. Стоит также отметить совпадение идей обоих социальных мыслителей о «дегенерации» /«вырождении»/ буржуазии. Именно в этом пункте выявляется их глубокое недоверие к перспективам буржуазного общества, которого ждут сильные потрясения.

Сорель противопоставлял политику социальных реформ картине «всеобщей катастрофы, нарисованной всеобщей забастовкой». Он вслед за Марксом отрицал значение «программ будущего», но по-другому понимал «подготовку» пролетариата к решающим действиям, обнаруживая полное расхождение с воззрениями марксистов: «Вместе с всеобщей забастовкой исчезают все эти прекрасные планы; революция проявляется в ее простом и чистом виде; здесь нет места ни социологам, ни светским людям – поклонникам социальных реформ, ни интеллигентам, взявшим на себя обязанность мыслить за пролетариат». – В этом заявлении программа действий на будущее носит творческий характер, резко отличаясь от марксистского догматизма. «Если бы идея всеобщей забастовки только сделала социалистическое мировоззрение *более героическим*, то и в таком случае ее значение было бы огромно», – писал Сорель.

Его практические рекомендации заслуживают внимательного прочтения: **«Каждое столкновение, которое дает повод к насилию, является как бы авангардным сражением, и никто не может предвидеть, что может выйти из этого дальше. И пусть генеральное сражение откладывается каждый раз, когда уже готовы его начать – эту грядущую наполеоновскую битву, которая должна окончательно раздавить побежденных; ее синдикаты надеются пережить еще на своем веку: так созревает путем стачек представление о революции в смысле социальной катастрофы».**

Героический характер революционных действий вместе с их непредсказуемостью – вот то новое, что внес французский мыслитель в теорию революции. «Всеобщую забастовку не нужно пытаться разложить на ряд отдельных исторических деталей. Нужно принять ее как целое и рассматривать переход от капи-

тализма к социализму как катастрофу, процесс которой не поддается описанию», – писал он в своем главном труде. – «Крупные и бурные демонстрации всегда являются показателем того, что недалек момент, когда может вспыхнуть вооруженное восстание, а в таких случаях благоразумное правительство сдаётся». – Это суждение Сореля предполагает неминуемое обострение ситуации в любом демократическом государстве и, безусловно, приложимо к нашему времени.

Признавая *«всеобщую политическую забастовку»* возможным «началом целого ряда кровавых восстаний», Сорель отличал ее от *«всеобщей пролетарской забастовки»*, как решающей прелюдии к овладению власти рабочими. «Всеобщая политическая забастовка имеет то решающее преимущество, – иронизировал он, – что драгоценная жизнь политиков-социалистов, подобных Жоресу, остается вне опасности... При таких условиях целью народного движения является переход власти от одной политической партии к другой – народ остается лишь вьючным животным».

Сорель предостерегал против мнимых революций, замышляемых хитроумными политиками. «Многие исторические революции, – указывал он, – были результатом союза различных недовольных групп; социалистические писатели часто указывали на случаи, когда низшие классы подвергались кровавой бойне, чтобы обеспечить власть лицам, сумевшим воспользоваться в своих выгодах мимолетным недовольством народа против прежней власти».- *Это нужно помнить современным русским политикам, оценивая противоборство различных демократических групп в их борьбе за власть, но единых в стремлении не допустить к ней народ, доверяющий грабящему его государству.*

Неожиданно Сорель с сочувствием цитировал «великого мыслителя» Алексиса де Токвиля /1805-59/: «Я изумлен, что старые и современные публицисты не приписывали законам о наследовании большого влияния на ход жизни человечества. Эти законы должны быть поставлены во главе политических учреждений, потому что они оказывают огромное влияние на социальный быт народов, внешним выражением которых только и служат эти политические учреждения». *Следует учесть также неоднократные ссылки Сореля на резкие отличия друг от друга народов с точки зрения перспектив революции. Таким образом, он признавал важную роль наследственного фактора, который, если его провести логически, опровергает всю классовую теорию марксизма.*

Всё же Жорж Сорель своими нападками на теоретические основы учения Маркса вышел далеко за пределы этой несчастной теории. Это относится к центральному положению марксизма – описанию процесса производства и последствий его развития. Сорель отрицал обязательное «загнивание» капитализма и

его автоматическое крушение в результате критического развития производительных сил. Он упрекал Маркса в недопонимании государства и рабочего движения, в том, что тот не разбирался в проблеме квалифицированного труда и не оставил мыслей о характере распределения при социализме. «Социализм поневоле остается неясным вопросом, так как он, прежде всего, вопрос о производстве, то есть о самой загадочной и неизвестной области человеческой деятельности», – писал Сорель.

Но демократические главари мало думают о производстве, рассуждал социолог. Они используют то, что «массы считают свои страдания следствием прошлого, полного жестокости и невежества, веря в то, что «гений вождей» может сделать их менее несчастными. На место иерархии несправедливой и злой, демократия поставит иерархию, творящую добро. Сами же вожди смотрят на мир совсем с другой точки зрения: современная социальная организация делает их революционерами лишь поскольку не дает ходу их честолюбию... С того момента, когда им удастся проникнуть в святая святых государства, ...они перестают быть революционерами и начинают благоразумно рассуждать об эволюции... Но ими движут собственные интересы... В политике нет места совестливости». *К этому рассуждению остается добавить, что демократическая среда не в состоянии породить крупных вождей, всегда открывающих новые времена, а рядовым политикам это не под силу. «В мелкой воде утонет всякое время», – говорил Ницше о торжестве демократии.*

Сорель привел убедительные исторические примеры разрушительных последствий демократизации. – Фискальные законы, стеснительные для богатых, немало способствовали разрушению греческих городов и итальянских республик. В XV веке папа Пий II отмечал необыкновенное благоденствие торговых городов Германии и большую свободу немецких граждан, которые в Италии были гонимы. «Современная социальная политика насыщена завистью и местью... Невозможно понять успехи демагогов, начиная с древних Афин и до современного Нью-Йорка, если не считаться с этими идеями, ослепляющими рассудок... Демократическая политика уничтожила цветение Древнего мира», – писал Сорель.

В противоположность демократическому застою борьба за социализм, утверждал Жорж Сорель, «пробуждает в душе высокие чувства, необходимые для этой гигантской битвы, и отодвигающие на второй план жажду удовлетворить свои чувства жестокостью; на первый план выступает гордость свободного человека, защищая рабочего от шарлатанов, от жадных до поживы вождей». Сорель провел глубокую параллель между подлинным социализмом и благородным типом войн. «Героическое представление о войне царит над всей античной историей, – писал он. – Республиканские учреждения древней Греции были вначале военными организациями граждан. Греческое искусство, философия,

социальные утопии создавались для того, чтобы сохранить в городах ядро гомеровских воинов. В новейшее время войны за свободу были так же плодотворны, как древнегреческие». – Эта аналогия решительной пролетарской борьбы с победоносной войной помогает осмыслению благородных черт насилия по Сорелю.

Применительно к революции он развил свою мысль таким образом: **«Насильственные действия пролетариата имеют значение лишь военных действий... На войне не убивают побежденных... Сила проявляется сообразно собственной природе, ничего не заимствуя у правосудия, которым общество пользуется против преступников. Чем больше распространится и разовьется синдикализм, освобождаясь от старых предрассудков, идущих от старого режима и католической церкви через посредство писателей, профессоров философии и историков революции, тем больше социальные конфликты будут носить характер чистой войны, вполне аналогичной борьбе двух враждебных армий».**

«Но существует и другой вид войны, в котором нет ничего благородного, – заключал он. – Война уже не служит самоцелью, а должна удовлетворить честолюбию политических деятелей. Войны ведутся на чужой территории, чтобы получить немедленные материальные выгоды. Тогда всякое внешнее завоевание служит причиной победы внутренней, выпадающей на долю правящей партии». «Всеобщая социальная забастовка ближе к первому типу войны... Всеобщая забастовка обнаруживает безразличное отношение к завоеваниям, стремясь уничтожить государство,...которое было организатором завоевательных войн и распределителем благ». *Не случайно Бенито Муссолини перед Первой мировой войной руководствовался этой идеей Сореля, осуждая стремление итальянских правителей к захвату чужих земель. Он предвидел, что участие Италии в коалиционной войне между буржуазными государствами, сведется к обогащению их финансово-политической верхушки.*

О другом, ущербном типе социальных преобразований Сорель писал в начале XX века: «Так как в настоящее время благодаря новым средствам, доставляемым парламентским режимом, власть переходит из одних рук в другие, и так как пролетариат превосходным образом втиснут в рамки официальных союзов, то нам пришлось бы увидеть, как социальная революция завершилась полным рабством». *Резкие характеристики Сореля подтверждаются процессами, идущими в европейских странах в XXI веке. Политические махинации правящих партий Европы, управляемые из единого международного центра, прямо ведут к социальному вырождению в масштабе континента, обрекая его народы на духовную немощь и бессилие, равносильные новому рабству.*

Защищая насилие «с точки зрения его идеологических последствий», Сорель сомневался в обязательности пролития «крови ручьями» при его применении пролетариатом, но отстаивал тактику активизма. Убеждение, приводящее к активному действию, писал социолог, «совершенно не зависит от рассуждения или от воспитания индивидуальной воли, оно есть плод участия человека в той или иной войне». При этом Сорель не был сторонником слепого коллективизма, призывая к массовому восстанию. «Всеобщая стачка, так же как и войны за освобождение, представляет собой блестящее проявление индивидуалистического духа в поднявшихся массах», утверждал он. Называя Прудона «великой личностью», Сорель иронизировал над мягкостью этого высоконравственного, но беспощадного критика демократии и парламентаризма, надеющегося на бескровное разрешение социальных противоречий.

«В глазах современной буржуазии всё хорошо, что устраняет понятие о насилии. Наши буржуа хотят мирно опочить», – писал Сорель. – «Официальные социалисты могут рассчитывать на осуществление своих мечтаний устроиться в роскошных дворцах... «Есть два обстоятельства, способные остановить этот процесс: **большая война, которая может вызвать приток энергии и поставить у власти людей, в самом деле желающих управлять**, или очень резкое проявление насилия со стороны пролетариата, которое показало бы буржуазии богиню революции и отвратило их от гуманитарных пошлостей Жореса».

Исход Первой мировой войны и смена власти в Германии в 1933г. подтвердили эту мысль Сореля на примере государства, источником силы которого стало единство народного духа. Но большая франко-германская война 1871г. привела к другому результату. В момент падения Второй империи французы были под впечатлением легенд об армиях наполеоновских волонтеров. Однако к этому времени страна стремительно деградировала, и жизнь разбила иллюзии. Поражение 1871г. заставило Францию обратиться к прозаической и практичной политике, лишив революционного импульса действия «парламентских социалистов» и французский пролетариат.

Многие выводы Сореля вытекали из сознания неустранимой слабости *французского государства*, не поддающегося переустройству. **«Синдикаты не имеют целью реформировать государство, как передовые умы XVIII века: они хотят вовсе уничтожить его»**, – убеждал он. Традиционное государство буржуазии требовало разрушения. Антимилитаризм социолога вызван этой яростной оппозицией государству, всегда воплощавшему, по его мнению, тенденцию к внешним войнам, ведущим к сплочению нации и снижающим остроту классовой борьбы. – **Поэтому он отвергал патриотизм и национальную солидарность в буржуазном государстве.** Подобные взгляды в начале Первой миро-

вой войны разделял Муссолини, которого нельзя упрекнуть в недостатке любви к Италии.

Совокупность идей Жоржа Сореля воплощена в **концепции мифа**, не лишенной элементов фантастики, но пронизанной уверенностью в его реализации и хранящей убедительную силу, способную заразить массы. – Именно эти свойства определяют непреходящую ценность всякого мифа. **«Не важно знать, какой из мелочей, составляющих мифологическую концепцию, суждено осуществиться в ходе исторических событий»**, – писал Сорель. – **На эти мифы нужно смотреть просто как на средство воздействия на настоящее, и споры о способе их реального применения в течение истории лишены реального смысла; для нас важна вся совокупность мифологической концепции, отдельные её части важны лишь поскольку они позволяют рельефнее выступить заключающейся в ней идее... Катастрофа, возможно, никогда не будет иметь места, но она – миф, выражающий с полной ясностью принцип, заключающий в себе весь социализм»**.

Значение мифа, как сильнейшего стимула к действию, выясняется из представления Сореля о революционных действиях: «Для нас не важно, есть ли всеобщая забастовка нечто реально осуществимое или только плод народного воображения... Стачки зародили в пролетариате самые благородные и глубокие чувства, которые всеобщая забастовка объединяет в общую картину, сообщая благодаря этому слиянию каждому из них максимум интенсивности, вызывая в рабочих наиболее жгучие воспоминания о частных конфликтах. Таким образом мы интуитивно получаем полное представление о социализме». «Если бы идея всеобщей забастовки была только утопией, то парламентские социалисты не боролись бы так усердно против нее», – справедливо указывал Сорель. – *Точно так же всякий искусно направляемый миф, части которого постепенно реализуются в ходе борьбы, всегда вызывает страх у противостоящей ему силы.*

Рассуждая об этической ценности насилия, Сорель без колебаний отметил мягкий подход к этой проблеме: **«Социалисты не позволят себя победить, не использовав предварительно всех средств, какие могло бы дать им положение вещей. Люди, посвятившие себя делу обновления мира, без малейшего колебания ухватятся за всякое оружие... Существующие социальные отношения открывают простор для множества случаев насилия, и у рабочих не было недостатка к побуждению не отступать перед жестокостью, когда она могла оказать им услугу»**. – *К сожалению, этот рецепт бесполезен для наций, смирившихся со своим жалким положением, будь то крупные европейские нации или русские в XXI веке. Если России суждено породить национального вождя, он будет использовать подходящую для русского народа форму социализма для спасения государств от разложения и гибели.*

*Господство жестоких, но трусливых нуворишей может быть опрокинуто с помощью силы. **Потрясающая эффективность индивидуального террора против национальных предателей, как первой стадии овладения властью, была доказана в предреволюционной России, в веймарской Германии и в Румынии конца 30-х годов XX века.***

Актуальную мысль высказал Сорель по поводу радикальных сил: **«Обновление придет от класса, работающего в недрах общества, в подполье, и так же отделяющего себя от современности, как иудейство отделяло себя от античного мира»**. Как завершающий призыв звучат слова французского социолога: **«Насилию социализм обязан теми высокими моральными ценностями, благодаря которым он несет спасение современному миру»**.

Не нужно думать, что современное гуманитарное состояние Запада и России превосходит нравственный уровень предыдущих общественных формаций. Ещё Эдуард Гартман писал в конце XIX века: «Если некоторым не нравится жестокость и грубость прошлых времен, то не следует забывать, что прямота, искренность, живое чувство справедливости – отличительные черты древних народов, между тем как у нас теперь царят ложь, фальшь, вероломство, дух сутяжничества, ненависть к врожденной ясности и справедливости. Воровство и обман, несмотря на репрессии со стороны законов, растут значительно, чем убывают грубые и насильственные преступления. Самый узкий эгоизм бесстыдно рвет священные узы семьи и дружбы...».

Сорель добавил к этому свидетельства из новых времен: «С тех пор как стало легко наживать деньги, в Европе распространяются идеи, подобные американским. Великие дельцы ускользали от преследования, успев завязать многочисленные связи во всех слоях общества... Царьки в области финансового мошенничества продолжают вести веселую жизнь. Мало-помалу новая экономика создавала новую необычную терпимость к преступлениям, основанным на хитрости в странах с высоко развитым капитализмом... Никакой исторический опыт не позволяет предполагать, что можно основать демократию в капиталистической стране без преступных злоупотреблений, какие повсюду замечаются в настоящее время». *Так выявляется подлинная сущность развитой демократии, в которую Россия перескочила через более мягкие ранние этапы, пережитые западно-европейскими странами на пути к их собственной деградации.*

Другая важная книга Жоржа Сореля – «Социальные очерки о современной экономике. Дегенерация капитализма и дегенерация социализма» написана годом раньше первой, но опубликована позднее. Она содержит ряд важных идей, не встречавшихся в «Размышлениях о насилии». Эти два труда дополняют друг

друга и дают яркую панораму мышления французского социолога. «Очерки» посвящены философии современной истории. В них Сорель изучал «социальные реформы, время которых еще не прошло».

Однако он думал, прежде всего, о будущем, на первых страницах выразив неожиданную мысль: «Коммунизм представляется мне точкой отправления, а не конечным пунктом». Сорель имел в виду длительный период перехода от режима, полного идеями об общественном долге и иерархии, к социальному режиму, не знающему ничего, кроме прав. Это противопоставление права долгу связано у социолога с обоснованием законности будущей государственной структуры, порывающей с традиционной государственностью. Всё же Сорель был вынужден искать опоры в мире классики. Так, он защищал некоторые достоинства римского права перед режимом средневековья с властью церкви. Сорель разоблачал парламентаризм и с этой позиции: **«Законодательная деятельность парламентов значительно способствовала понижению уровня уважения к праву. Когда парламенты проводят постоянные реформы, когда всё зависит от волевых актов, наука о праве, конечно, должна прекратить свое существование».** *Сумбурная по виду, но продуманная практика российского парламентаризма подтверждает это наблюдение.*

Тотальная критика демократического режима определила общий тон суждений социолога: **«Демократия заключает в себе арифметический абсурд: она обещает бедным, что путем уравнивания доходов каждому гражданину должно достаться несравненно больше среднего дохода».** Новый поворот этой темы Сорель представил в анализе социальной структуры общества: «Я, прежде всего, рассматриваю город и деревню, как выражение раздора в общественной жизни, не допускающей никакого господства одной части общества над другой». «На ярмарках создается класс торговцев, алчущих наживы во что бы то ни стало и скапливающих в руках несметные богатства. Производство эксплуатируется категорией бесчисленных паразитов, постоянно враждующих между собой из-за дележа добычи, начиная от нагрузчиков, маклеров, и кончая транспортными подрядчиками. – **Городская демократия, как и всякая олигархия, всегда стремилась найти слабых, которых можно было бы ограбить».**

Сорель описывал отток сельского населения в города, которое «превращается там в немощных паразитов или новых эксплуататоров сельского производства». «Требуется продолжительное время», – писал он, – «пока известный народ начнет понимать значение сельскохозяйственной науки и перестанет играть роль жертвы шарлатанствующих интеллигентов». – «Заимодавцы играют совершенно разрушительную роль и делаются, в конце концов, хозяевами всей страны, особенно когда им удастся сосредоточить в своих руках и деньги, и

торговлю». По этой схеме в XXI веке торговые спекулянты разрушают сельское хозяйство России при поощрении государственной власти, выдающей их за предпринимателей.

Выделяя решающую роль финансовой плутократии, Жорж Сорель, игнорировал, однако, сильное /часто решающее/ влияние евреев в хозяйственных процессах Европы. Увлечение марксизмом искажало верный тон суждений французского социолога. Почти всегда, касаясь еврейского вопроса, Сорель занимал отстраненную, но чаще осуждающую позицию, как в деле офицера-предателя Дрейфуса, которого он представлял жертвой антисемитов, игнорирующих «классовую борьбу».

«Социальные очерки о современной экономике...» в отличие от «Размышлений о насилии» изобилуют глубокими суждениями о социализме. Осуждая аморализм во Франции: грязные драмы в театрах, такого же рода романы, порножурналы, циничные кафешантаны, пропаганду полной свободы искусства и «греческой любви» /гомосексуализм и педофилия/, Жорж Сорель неожиданно признал за демократией «свои духовные функции». «Каким образом пробуждается эта духовность и революционная жизнь городов, – очень сложный вопрос... Взаимоотношения демократии и социализма сложны, запутанны и темны», – писал он, сочувственно описывая население малых городов, стоящее в меньшей зависимости от крупной индустрии.

Демократический режим, который на практике всегда плох, Сорель отличал от возможного воплощения социализма во что-то более ценное. В отличие от социальных утопий прошлых столетий социализм XIX века, по его мнению, носит характер осуществимого плана, а его несообразность заключается в обилии «самых разнообразных доктрин». Перечисляя средства для выхода из критического общественного состояния, Сорель, наряду с революцией, предусматривал **государственный социализм**, признавая возможность его осуществления вне рамок демократии /!/. Это ясное указание на многовариантность развития общества еще при капитализме относится к крупным достоинствам социальной мысли Сореля. Его не отпугивало даже парламентское правление. Рабочий парламентаризм не может привести к бесплодию, как парламентаризм буржуазный, утверждал он.

Такая терпимость в выборе политических средств у этого, по первому впечатлению, радикального социолога, доказывает широту его мировоззрения, открытого для любого действия, способного поколебать буржуазный строй. **«Одна лишь действительность, среди которой мы живем, в состоянии породить революционные начинания... Наиболее деятельная проповедь бессильна сообщить движению массовый характер»**, – считал Сорель. *Безупреч-*

ный вывод! Слабость патриотических кругов России – в их трусливом бездействии, прикрытом пышными декларациями. Заглядывая в будущее, Сорель рассуждал о свободном человеке, как одновременно крестьянине и солдате. – Сходная идея высказывалась дважды в новой истории: один раз в проекте военных поселений графа Аракчеева в России и другой – германскими правыми в конце XIX – первой трети XX вв. применительно к своим восточным территориям.

«Система прав человека вполне осуществима, когда все граждане являются земельными собственниками», – писал Сорель, объединяя в этом высказывании собственное понимание «прав» с уважением к земле, как основе любых общественных преобразований. Вслед за Прудоном он подтверждал единство интересов крестьян и крупных землевладельцев.

Сомнения Жоржа Сореля в незыблемости различных социальных догм – еще одна сильная сторона его свободного мышления, не останавливающегося перед опровержением теорий, утративших первоначальный смысл. «Ошибка Маркса зависела от того, что образованию идеи классовой борьбы он приписывал характер неизбежности, – писал он. – Между противоположностью интересов и классовой борьбой лежит настоящая пропасть. Во многих странах классовой борьбой называют то, что является простой тяжбой в области материальных интересов, допускающей возможность соглашения».

Сорель не останавливался перед опровержением основных положений марксизма. **«Соответствует ли капиталистическое общество естественному порядку, или оно должно исчезнуть, чтобы уступить место социалистическому, – вот гипотезы, которые никому не удастся превратить в доказанные теоремы... Что в марксизме трудно понять – это абсолютное разделение классов»**, – утверждал он. Идея классовой борьбы сочеталась у Сореля с самостоятельной доктриной империализма: «В Англии замечается тенденция солидарности классов, иначе империализм не был бы понятен: единство направлено, прежде всего, против других стран».

Постоянное обличение Сорелем «национальной солидарности» приобретало особый смысл, касаясь Германии. «Классификация государственного социализма кажется мне чрезвычайно важной; наиболее чистый тип государственного социализма скопирован с прусской бюрократии и не допускает никакого внешнего контроля. Во Франции речь всегда идет о смешанной системе, в котором профессиональным политикам уделена огромная роль». Остроту критики законодательства Бисмарка снижало признание Сорелем особого типа общественного строя в Германии. «Англичане постепенно регрессируют, а немцы, наоборот, идут вперед», писал он.

Пример Германии, ломающий принятое представление о капитализме, вызывал такие опасения у Сореля, что он отдавал предпочтение частному хозяину перед государственным администратором: «На капиталистической фабрике рабочие испытывают гнет лишь случайного, частичного, кажущегося подчинения. По выполнении того, к чему его обязывает договор о продаже рабочей силы, он свободен. Без этой свободы никакой социализм невозможен. В огосударствленном же предприятии его подчинение постоянное, реальное». Из такого представления о способах хозяйствования вполне могла родиться идея симбиоза частной инициативы с государственным управлением. И мысль позднего Сореля была открыта этого рода идеям. К концу жизни он приветствовал любые политические изменения, упраздняющие парламентаризм. Недаром Муссолини восхищался анархо-синдикализмом Сореля, и создавал итальянские корпорации под сильным влиянием французского мыслителя.

Описывая разные виды концернов, Сорель противопоставлял спекулянтов, «жертвующих всем из желания достичь быстрых выгод», промышленникам, которые «всегда озабочены расширением сферы и средств своей деятельности и жертвуют охотно выгодами сегодняшнего дня в интересах будущего». К этому благородному виду концернов он отнес германские картели, «говорящие о хозяйственных задачах политическим языком». – Владельцы этих картелей утверждали, что продажная цена товаров должна включать издержки производства и незначительную прибыль, что одни только производители в состоянии устанавливать необходимые и законные цены, и что спекуляция присвоила себе исключительное право производителей.

Эта констатация немецких особенностей в значительной мере объясняет будущие политические события в Европе. Обходящаяся без спекуляций, высокоэффективная работа германской промышленности, отвергавшей методы финансовых спекулянтов, стала одной из главных причин международного заговора против Германии, приведшего ко Второй мировой войне. Бурдо писал о городах германской империи: «Жилища для рабочих составляют предмет забот всех классов общества. Городские управления в крупных городах Германии нанимают дома для рабочих. Города стремятся, чтобы общественные предприятия не эксплуатировались акционерными обществами... Всё это происходит помимо социалистов». По мнению Сореля, из всех европейских стран лишь Германия легко восприняла самые прогрессивные приемы работы. «Немецкий промышленник – новатор, и он не парализован, как его английский собрат, тиранией рабочих союзов» /!/. – Это доказательство возможного сотрудничества классов при капитализме не смущало ученого.

В 1884г. Бисмарк заявил в рейхстаге, что в вопросе о социальном законодательстве он руководствуется принципами прусского земельного права 1794г.:

«Государство должно взять на себя попечение и заботу о гражданах, которые не могут сами добывать себе средства к существованию, или получать их от частных лиц, несущих обязательства в силу особых законов. Тем гражданам, которые лишены средств или возможности содержать себя и свою семью, должен быть доставлен труд, соответствующий их силам и способностям». Эта государственная позиция подвергалась критике слева и справа, – Сорелем и Лебоном, так как оба протестовали против растущей роли государства. Лебон видел в ней *опасность социализма*, а Сорель – *угрозу социализму*, у которого отнимали право заботиться о гражданах. *Приходиться признать, что благородный принцип, изложенный Бисмарком, воплощался с 1923г. в Италии, с 1933г. в Германии и с определенной спецификой – в Советском Союзе.*

Но Сорель подозревал германские картели в постановке целей, носящих «общий или государственный характер» и, в соответствии со своим неприятием государства в любой форме, сравнил их с исчезнувшими общественными типами. «Картели являются коллективной господской властью, подобной общинам Средневековья...и находятся в непосредственном соприкосновении с правительством», – писал он. Подводя под свое недовольство юридические соображения, Сорель цитировал Гегеля: «Государство есть само по себе нравственная общность, осуществление свободы», назвав эту формулу крайне вредной, так как она «заставляет нас придавать воле главы государства преувеличенное значение, ограничивая волю права» /«Фридрих II – это гегелевское государство»/.

Однако право, персонифицированное в фигуре вождя государства, противостоит ненавидимому Сорелем буржуазному миру. Приводимые им примеры из германской экономики и политической жизни Германии, противоречат его собственным выводам, во многом верным для других стран. Сорель часто возвращался к Германии, словно зачарованный мощью универсального хозяйствования и политической самобытностью этого государства.

Критикуя законодательные усилия германских руководителей в пользу народа, как *общественный долг*, он всё же давал им почти объективную оценку: «Иной раз немецкие феодалы /иносказательное обозначение правителей Второй империи – И.Б./ взбираются на более высокую ступень **консервативного социализма** /!/; вся страна рисуется им подчиненной администрации, аналогичной той, которая управляет крупными владениями прусского государства».

Однако Сорель придал своей критике еще одно направление: «Если идеи об общественном долге являются внутренним, существенным содержанием современной демократии, то было бы насущной, безотлагательной потребностью повести беспощадную борьбу против этой самой демократии». В таком понимании «общественный долг», как маскировка колоссальных преимуществ правящего

слюя пред правом народа, действительно не заслуживает уважения. Тогда вслед за Сорелем **решительную борьбу с демократией нужно признать социальной необходимостью.**

Удаляясь от экономических тем, доводы французского социолога обретали наибольшую доказательную силу. **«Всякое участие в политике, в какой бы форме оно ни происходило, причиняет социализму только вред, ибо оно заставляет придавать значение только торгу, спекуляции. В нем затемняется одновременно и правовой, и революционный дух».** Эти слова Сореля относятся к политике в рамках *буржуазного государства*. Однако, в такой же степени верны суждения социолога о социализме в динамике его развития, доходящего до нашего времени: **«Социалистическое вырождение сопровождается всюду моральным упадком».** – Дегенерация социализма предвиделась Сорелем задолго до того, как этот строй обрел интернациональное воплощение в первый период существования СССР. Но острота социального зрения Сореля убедила его в значении совершенного Сталиным переворота, и резкое усиление государственной власти не помешало французскому социологу прозреть черты *национального социализма* в действиях руководства России.

С силой философского обобщения Жорж Сорель выразил мысль о преимуществе своей грандиозной идеи мифа над бескрылым буржуазным мировоззрением: **«Необходимо отличать учреждения от идей. Их видоизменения не зависят от одних и тех же причин. Бывает, что институты исчезают и неизвестно, возродятся ли они когда-нибудь. Идеи же, очевидно, не исчезают. К ним, как к науке, можно применить концепцию прогресса».** Действительно, история многократно доказывала, что если главная идея верна, то ее осуществление – лишь дело времени, даже если она кажется фантастической обывательскому уму.

К этому обобщению Сорель добавлял изложенную с лаконичным изяществом практическую рекомендацию, содержащую здравую долю протеста против формальной логики: **«Чтобы сделать полезное дело, необходимо с точки зрения социалистической концепции отделить временное и преходящее от того, что является действительно характерным, и найти в экономической жизни элементы, которые можно рассматривать как основное ядро. Это не всегда легко достижимо, потому что экономическая структура состоит из массы случайно накопленных разнообразных элементов. Кроме того, наиболее жизнеспособные системы социальной философии никогда не бывают вполне координированными. Если бы они стали совершенно логичными, они, вероятно, потеряли бы большую часть своего влияния на мир».** – *Блестящая защита преимуществ мифа!*

Воплощение в жизнь мифа у Сореля не случайно связано с фигурой вождя. Его отвращение к демократии распространялось на все возможные проявления так называемого народовластия, т.е. имело психологическую основу и коренилось в недоверии к способности народа самостоятельно решать вопросы государственной важности. **«Одно дело иметь вождей, решающих на основе собственных богатых знаний, другое – иметь простых чиновников, которые занимаются лишь одной частью труда, и деятельность которых оценивается соответственно их заслугам»**, – писал Сорель.

Он отвергал стихию реформаторства и бесперспективную, с его точки зрения, медленную эволюцию. Называя Прудона гениальным человеком за глубокое проникновение в стихию труда, Сорель упрекал его за превращение из «великого разрушителя общественного строя» в «философа, моралиста и реформатора». Отвращение Сореля к реформаторству принимало агрессивную форму, теряя связь с пролетарским вопросом: **«Люди развлекаются реформой мира, когда нельзя думать о его завоевании с оружием в руках»** /!/. – *В знаменательных недоговорках Жоржа Сореля – один из источников его силы.*

Его «пролетариат» со временем приобретал расширительное значение в контрасте с образованными классами, которые также по-новому объединялись в понятие «буржуазии». Карл Маркс в этой связи подвергся критике: «По Марксу, теория революции – дело рук интеллигенции, стремящейся захватить власть и навязать обществу правовые отношения, соответствующие их способу эксплуатации пролетарского труда... Они стремятся стать чиновниками... Это – бесконечно буржуазный идеал».

С этими обновленными представлениями связано обострявшееся со временем чувство национального, всегда тревожившее Сореля своей неопределенностью. «Народная мысль до того изменилась, что идея интернационализма лишена теперь всякого смысла... **Пролетариат еще не создал своей собственной идеи о национальной жизни»**, – писал он. – **«Мы вправе сказать: пролетариат еще довольно далек от возможности осуществлять революции по той причине, что в национальных вопросах он пользуется идеями, пришедшими к нему извне»**. *В конце жизни французский социолог приблизился к пониманию того, что национальные идеи создают вожди народа, а не абстрактный «пролетариат». Пример Ленина был для него достаточно убедительным, несмотря на искажение национальной специфики организатором Октябрьской революции. – Сорель игнорировал преходящие моменты в исторических явлениях, прозревая их глубинный смысл.*

Научная объективность Жоржа Сореля привела его к важному уточнению смысла классовой борьбы. Он признал, что **абсолютное разделение классов про-**

творечит биологии. Ученый отметил, что в очень сложных организмах существуют антагонистические силы, обогащение одного органа за счет другого, известная свобода движения и независимость отдельных частей. Но всё это допускается в очень ограниченных пределах. Всякое крайнее проявление независимости отдельных частей или организмов считается уродством или болезнью. «Марксистская концепция полагает, по-видимому, что общество образовано из двух существ, принадлежащих к двум различным видам, и что оно – урод, каким его изображали модельщики Средневековья», – писал Сорель. Это рассуждение социолога выводило его к признанию важности национального единства народа.

Социолог допускал исключения из осуждаемой им практики государственного вмешательства в экономику. Так он утверждал, что земледелие имеет множество примеров «прогрессивного социального законодательства», указав, что государство всегда протекционировало сельскому хозяйству, способствуя его переходу от одной формы к другой, когда без его покровительства подчиненный класс не мог освободиться. Таким образом было уничтожено крепостничество в Германии и России. Вслед за Прудоном Сорель выводил крестьянина и мелкого собственника из рамок социалистической теории.

В целом капитализм в его представлении хранил ценные свойства в различных сферах. «Творчество капитализма не ограничивается одной материальной стороной», – писал он. – «Капитализм должен оставить в наследство социализму не только мощные производительные силы, но и нового человека, который, наконец, понимал бы труд. Всё что капитализм делает для подъема производительности рабочих, является для них выигрышем, что бы об этом ни думали моралисты и политиканы, всегда готовые поощрять леность». Однако Сорель остерегался конечных выводов, которые могли бы нарушить стройность его теории крушения государства.

Размышляя о ценности германского опыта для рабочих интересов в рамках национальной общности, он отмечал: «Проект общего представительства производства и потребления теперь в моде. Он исходит из Германии, где уместен, так как парламенты этой страны являются не столько политическими органами, законодательствующими в целях достижения известного политического идеала, сколько средневековыми сеймами, где удается выработать компромиссы между различными категориями интересов. **«Переговоры между германским центром и правительством по какому-либо важному голосованию глубоко поражают всех воспитанных на обычных теориях парламентского режима... Американские тресты нашли поддержку в развращенной государственной власти; германским же помогала власть честная, поддержанная традицией отеческой опеки... В германском картеле нет духа**

ростовщичества. Чрезвычайная дисциплина никогда не переставала оказывать влияние на германское общество».

Сорель не переставал удивляться немецкому исключению из мирового опыта капиталистического хозяйствования, колебавшему все его умозаключения в этой области. Поэтому он уверенно теоретизировал, лишь оставаясь на почве государств латинского круга. Но здесь его живая мысль наткнулась на догматизм марксистского толка. «Социалистическое чувство чрезвычайно искусственно, – писал он. – Это классовое чувство противоречит инстинкту, который заставляет нас наносить удары непосредственно на противостоящих нам людей. Поэтому демагоги и оказывают такое влияние на народ, разоблачая преступления отдельных индивидуумов и сосредоточивая всю народную злобу на какой-либо крупной личности. Убедить бедных людей, что их зло причинено Ротшильдом или каким-нибудь другим евреем, гораздо легче, чем развить перед ними экономическую основу классовой борьбы».

В этом замечании, как и в толковании дела Дрейфуса, точность наблюдения соседствует с непониманием степени еврейского влияния на социально-экономические процессы. Сорель утверждал, что «демократия и антисемитизм питаются во Франции почти одинаковыми концепциями». В доказательство он ссылался на статью в правой газете «Libre Parole» от 11.07.1902г., которая сочувственно цитировала слова Леона Буржуа: «Нельзя допустить накопления денег в некоторых руках». Это был, по мнению автора статьи, «честнейший и благороднейший антисемитизм». Та же газета 27.11.1904г. благодарила социалистического депутата Вебера за его восхваление деятельности критически настроенного к евреям мэра Вены Люэгера. – *Жорж Сорель принимал частные случаи за правило: в действительности развитая демократия сочетается не с антисемитизмом, а с преобладающим влиянием евреев в разных сферах общественной жизни.*

Напротив, сочувственно цитируя Прудона, Сорель демонстрировал высокую степень обобщения и широкий взгляд на историческую панораму демократии: «Прудон еще в 1848г. обрисовал сильными штрихами истинные тенденции наших демократов». **«Система, пришедшая в упадок, – писал он, – может быть определена следующим образом: она – управление обществом, лежащее в руках буржуазии, то есть аристократии способностей и счастья. Система же, к созданию которой демократия сегодня направляет силы, может быть определена противоположным образом: она – управление обществом, лежащее в руках огромного большинства граждан, обладающих малыми способностями и лишенных богатства».** – *Таким образом, оба социальных мыслителя признавали за буржуазным классом определенную систему ценностей, искаженную выродившейся демократией. – По-*

следовательные выводы из этого суждения, позволили бы Жоржу Сорелю закончить с давящим независимую мысль влиянием марксизма.

Еще раз Сорель отметил особую роль Германии в системе своих социологических посторенний, не остановившись перед признанием роли немецких парламентских социалистов /!/: «Пока в Германии будут стоять люди, следующие фридриховской традиции, деятельность немецких картелей будет всегда развиваться в умеренном духе, но им не будет позволено поощрять к праздности своих членов. Не видно, что германская социал-демократия вдохновляется настроениями французских народных партий. Она проникнута сознанием лежащей на ней ответственности, как на предполагаемом наследнике капитализма. Она не хочет, чтобы наследство компрометировали неосторожными поступками; в ней еще заложен тот дух, который господствует над прусской монархией».

Вторая книга Сореля изобилует неожиданными признаниями и убедительными суждениями о социальной роли различных групп населения европейских стран. Он оспорил теорию Маркса об исчезновении ростовщического капитала, как допотопной формы, предшествовавшей капитализму, подчеркнув, что промышленный капитал все больше подчиняется финансовому, а «вторичное появление на сцену старых флибустьеров открыло появление новых времен». Сорель отметил, что финансисты затевают всё новые предприятия для устройства ростовщических комбинаций: «Раз бумажные ценности размещены в публике, промышленная сторона дела уже не имеет существенного интереса для этих лиц. **Крупные еврейские банкиры /наконец то!/ охотно пошли бы на операцию, которая позволит им переуступить государству предприятия, уже принесшие им достаточно комиссионных денег... Вмешательство государства в область хозяйства ответственно в большинстве случаев за развитие процветающего ростовщического капитализма».**

Здесь Сорель вскрыл механизм взаимодействия ведущих слоев демократического общества: «**Наши финансисты нуждаются в политических деятелях, способных распоряжаться крупными деньгами и толкать страну на путь расходов... Финансисты снова вступают в свою старую роль благодаря расточительной политике, которую ведет демократия... Люди, добывающие средства к существованию наукой, искусством и печатью, и являвшиеся одно время паразитами государства, состоят теперь на службе у партий, имеющих возможность оплачивать их услуги. Такие люди имеются во всех лагерях; огромное большинство интеллигентов направляется именно в те лагеря, которые завтра могут оказаться у власти».**

Сорель указал на опасность корыстного союза государства и финансовых сфер, подчеркнув, что политиканы и финансисты поразительно похожи друг на друга, их духовные уровни не различаются, а мораль низка. **«Под скипетром парламента мошеннические дела будут вестись не хуже, чем под контролем банкиров»**, – предвидел социолог.

Выводы Жоржа Сореля в его второй книге лаконичны по форме и в целом не утратили актуальности содержания. Он назвал движение социалистов к парламентской власти «процессом дегенерации». «Крупная война привела бы, в конечном счете, к устранению причин, содействующих сегодня стремлению к умеренности и социальному миру», – писал французский социолог. Оценивая эти резкие суждения, нужно учесть, что Сорель предвидел трагический итог развития демократического государства, уничтожение которого заслуживало последней решающей войны в череде войн, порожденных коварной и лживой демократией.

В заключение французский мыслитель предложил революционным силам: 1. Не преследовать цели завоевания большого числа законодательных мандатов путем соглашения с разнородными недовольными элементами. 2. Не стремиться к расширению области государства. 3. Не препятствовать развитию промышленной деятельности. 4. Не смешивать классовую борьбу с соперничеством на почве материальных интересов. 5. Отказаться от всякого участия рабочих делегатов в учреждениях, созданных государством и буржуазией.

Несмотря на кажущуюся отстраненность идей Жоржа Сореля от реальностей XXI века, их смысл, как порождение великого в своих исканиях ума, может быть воспринят и переведен в стадию революционных действий. Исторический опыт показал, что революции не всегда сопровождаются насилием. Мощный стихийный взрыв недовольства может стать началом падения ожиревшей и трусливой власти, сколько бы штыков не прикрывало ее. Между социальными группами, на которые разделено современное общество, возможна борьба, не уступающая в силе классовым столкновениям прошлого. Таким образом, предложенные французским социологом понятия революции и катастрофы сохранили свое значение.

В отличие от Прудона и Сореля Густав Лебон, так же резко критикуя разрастание государства, с неменьшей силой обрушивался на грозящий социализм. Лебон расширил понятие социализма психологически и с философской точки зрения до состояния, при котором он включал в себя целый ряд исторически изжитых стадий. К генезису социализма ученый отнес все режимы, характеризующиеся резким усилением государственной власти, централизацией экономики и стеснением личных свобод. Глубокий анализ, дар предвидения и меткий язык при-

дают убедительность многим выводам Лебона. Важно, что он не обольщался надеждой на воскрешение демократии в какой-либо другой исторической форме. Ученый видел ее непреходящие пороки и не верил в будущее парламентаризма.

«Общество только тогда сплочено, когда моральное наследство – учреждения, верования и искусства – упрочились в душах, а не в кодексах. Общество приходит в упадок, когда эта сеть расстраивается и осуждено на исчезновение, когда она приходит в полное разрушение», – писал Густав Лебон в замечательном труде «Психология социализма». *Кодифицируя на свой лад все ценности, демократия изгоняет традиции и верования, оставляя формальную оболочку, искажающую их сущность.* Лебон высмеивал «законодателей» и «философов», считающих общество искусственной структурой, которую «благодетельные диктаторы могут совершенно пересоздать». «Созидательная сила покоится на времени и не подчинена непосредственно нашей воле, – утверждал он. – Разрушительная сила, напротив, в нашей власти. Разрушение общества может совершиться очень быстро, но восстановление его происходит всегда чрезвычайно медленно. Иногда человеку нужны века усилий для восстановления того, что он разрушил в один день». *Но если общественный строй не соответствует традициям, то пересоздать его – значит вернуться к естеству. Это верно и для XXI века.*

Влияние «современного социализма» Лебон объяснял не рациональными причинами, так как, по его мнению, «социализм становится очень сильным, оставаясь в области уверений, мечтаний и химерических обещаний». **«Логика и разум никогда не были настоящими руководителями народов»**, – писал ученый. Он привел аналогию социализма с религией: «Глубочайшие мыслители: Лейбниц, Декарт, Ньютон безропотно преклонялись перед религиозными догмами, слабость которых показал бы им разум... Еще не одна цивилизация не была основана и не могла развиваться без веры в богов».

Неразумное, по убеждению Лебона, всегда составляло один из самых могущественных двигателей человечества, так философские системы дают толпе только доводы, тогда как душа человека требует лишь надежды. «Именно эта магическая сила надежд и создавала самые могущественные царства из ничтожества, творила чудеса литературы и искусства, составлявшие общую сокровищницу цивилизации, – писал он. – Каждый сообразно своим мечтаниям видит в социализме то, чего основатели новой веры и не думали в него вкладывать. Священник открывает в нем всеобщее распространение милосердия и мечтает о нем, забывая свой алтарь. Бедняк, изнемогая от тяжелого труда, смутно усматривает в нем лучезарный рай, где он будет наделен земными благами. Легионы недовольных /а кто теперь к ним не принадлежит?!/ надеются, что торжество социализма будет улучшением их судьбы».

Увлеченный разоблачением социалистических тенденций в буржуазной среде, Лебон не предусмотрел возможность сотворения «могущественного царства» вместе с обретением капитализмом *национальной окраски*. Поэтому сочетание капиталистического предпринимательства с социалистическим контролем казалось ему невозможным. Но он знал, что торжество доктрины происходит главным образом от влияния проповедников, умеющих говорить толпе, зажигая в ней веру. Только они всегда создавали массовые народные движения, которые под руководством вождей производили перевороты в социальной сфере и меняли духовный строй жизни народов.

Однако демократия не дала миру ни одного великого проповедника /вождя/ из-за дегенерации, внесенной ею в мир. Поэтому демократические режимы, придававшие себе национальные названия, не отвечали духу подлинно национальных преобразований: «африканский социализм», «арабский социализм», «шведский социализм»... Лебон отметил, что «доктрины социализма меняются чуть не с каждым днем и делаются всё более расплывчатыми, неопределенными». С тех пор было изобретено немало социалистических моделей: «демократический социализм», «христианский социализм», «социализм с человеческим лицом».

Но ученый поставил проблему, решение которой могло снять остроту борьбы между противоположными интересами личности и организованной общиной людей. Именно в этом, считал Лебон, состоит «истинная задача социализма с философской точки зрения». – Он указал на разную роль государства у народов, представляющих «высшую расу» /!/ и тех, кто безнадежно отстал в развитии: «У энергичных, достигших высшей степени развития рас, как при республиканском, так и при монархическом режиме, замечается значительное расширение личной инициативы и постепенное сокращение области, которой ведает государство. Противоположную роль предоставляют государству народы, у которых личности дошли до такого умственного оскудения, что не могут рассчитывать на свои силы. У таких народов, как бы ни назывались учреждения, правительство всегда представляет всепоглощающую власть. Оно всё фабрикует и распоряжается мельчайшими подробностями жизни граждан. Социализм есть расширение такого воззрения. Он был бы диктатурой безличной, но ничем не ограниченной».

Из логики этого утверждения вытекает, что социализм у «высших рас» сопряжен с личной инициативой и не уступает в плодотворности лучшим типам монархий и республик, известных истории. К сожалению, Лебон не дожил до дней, когда, по крайней мере, два европейских государства продемонстрировали безграничные возможности социализма с национальной окраской.

Но это не снижает ценности его исторического анализа. Согласно Лебону, появление социализма теряется в глубине веков, когда от попыток его внедрения погибла Греция. Действительно, доктрины коллективизма изложены уже в «Республике» Платона. Гиро писал: «Все современные доктрины – от христианского социализма до крайнего коллективизма нашли выражение в Греции». Череда политических переворотов сотрясала Древнюю Грецию. Единодушие «социалистов» проявлялась тогда только в разрушении существовавшего порядка. Рим положил конец этим вечным несогласиям, заставляя Грецию продавать своих граждан и низводя ее до рабства. Сами римляне испытали такого рода «аграрный социализм» Гракхов. Он ограничивал владения граждан определенной площадью земли, распределяя остатки между бедными и обязывая государство кормить нуждающихся. Это привело к борьбе, создавшей Мария, Суллу и, наконец, вызвало падение республики и владычество империи.

Примеры из древней истории показывают бесперспективность механического перераспределения собственности между группами населения, лишенного национальной общности. Средневековье лишь подбиралось к осуществлению этой благотворной идеи. – Священная Империя Великой Германской Нации была важной попыткой объединить народы, большинство которых историки относят к индогерманской группе.

Первым прочным успехом социалистических идей Густав Лебон, согласно своей классифицирующей методике, считал торжество христианства. Но как все революционные движения, добившиеся осуществления своих идей, христианство, начавшее свой путь с осуждения богатства, стало консервативным, защищая собственность. – Общественные идеалы католического Рима мало чем отличались от идеалов Рима императорского.

Французская революция XVIII века, продолжал размышлять ученый, объявило собственность священной, лишь ограбив дворян и духовенство и, таким образом, заменило одно неравенство другим. Революция 1848г. не изменила социального смысла событий. Франция скоро потонула в деспотизме и чуть не стала добычей внешнего врага. – *Лебон обладал незаурядным даром видеть главное в разнородных по виду явлениях. Когда буржуазия будет разорена, собственность государства объявит священной уже новый класс. Не удивительно, что он занес Октябрьскую революцию 1917г. в свой реестр бесперспективных трагических событий, игнорируя национальную специфику народа, свергнувшего монархию. – В отличие от Жоржа Сореля Лебон не видел возможности перерождения ленинского режима в социализм с национальной окраской.*

Сила социального мышления Густава Лебона проявилась в суровой критике буржуазии, допустившей разгул разрушительных инстинктов. «На почве самого

мрачного равнодушия к общим интересам личный эгоизм превзошел всякие пределы», – писал он. «Буржуазия постарела за один век, как аристократия за тысячелетие. Буржуазия вырождается ранее, чем в третьем поколении и освежается лишь постоянным приливом элементов низшей среды... Крупные состояния сменили наследственный гений. Но эти состояния часто переходят к жалким потомкам... Наглое тщеславие богачей и манера их тратить свои средства больше всего способствовали развитию социалистических идей... Молодежь расточает блага на самые низменные наслаждения. Идея об отечестве, по ее мнению присуща только «глупым шовинистам, совершенно лишенным способности к философскому мышлению».

Лебон привел примеры колоссальных спекуляций банков и биржи, задавшись вопросом: «Не правы ли социалисты, сравнивая этих спекулянтов с простыми разбойниками, достойными виселицы?». Он писал о «власти скрытой и безымянной, против которой труднее восстать, чем против деспота». – «Избранные умы» впали в пессимизм, видя торжество богатства, бессилие науки и философских систем».

При этом доказывал ученый, все социальные несправедливости неизбежны, как следствие природы человека. Общественные явления управляются процентными соотношениями, а не частными случаями и средними выводами, **утверждал Лебон**, сопровождая свои выводы антропологическими данными, по которым **объемы черепов на большом числе объектов различаются в огромной степени у высшей и низшей рас.** – Ученому стоило до логического конца развить эту мысль, чтобы снять остроту противоречия между индивидуальным и коллективным принципами, избавившись таким образом от пессимизма.

Лебон стоял на этом пути. **«Всё величие цивилизаций: науки, искусства, философские системы, религии, военное могущество и т.д. было созданием отдельных личностей, а не общественных организаций, – писал он. – Это создано отборными людьми, редкими высшими продуктами некоторых самых даровитых рас.** Народы, у которых наиболее развит индивидуализм, только благодаря этому стоят во главе цивилизаций и господствуют сегодня в мире». –

Научная беспристрастность взглядов Лебона постоянно подтверждалась его отсылками к расовой проблеме, которую он, не являясь специалистом в этих вопросах, затрагивал с разных сторон, не исследуя детально. Социалистические идеи, как и разные учреждения у народов, по мнению ученого, вытекают из их расовых свойств. **«Влияние расы гораздо сильнее влияния среды. Не признавать значения расы, значит лишить себя способности понимать историю».** Названия режима: монархический, республиканский...имеет раз-

личный смысл у разных народов, считал Лебон. – У латинских народов роль государства будет преобладать при любой форме правления, у «англосаксов» она всегда сведена до минимума.

«Характер, а не учреждения создает величие народов. Свойства учреждений играют ничтожную роль в их жизни, – писал он. Ошибка Брюнетьера и других в том, что они считали возможным создать величие народов законами, увеличением армии и флота или изменением избирательной системы». Это, по убеждению Лебона, и доказывает бесполезность новых конституций и революций. – Всякий народ может изменить только *названия* своих учреждений и дать новые имена старым понятиям, представляющим естественное развитие долгого прошлого.

Описывая национальные различия, Лебон, однажды применил выражение «душа расы», характерное для расовых идеологов /позднее его использовал в своих теоретических разработках А. Розенберг/. Однако ученый не дал физиологического определения расы, усматривая лишь социальный подтекст в этом явлении. Он относил к определенной расе все народности, укоренившиеся в государстве в составе господствующего этноса, будучи продуктом совместного длительного проживания на одной территории. Ученый словно не замечал, что в составе населения есть нации, /цыгане, евреи.../, не желающие и не способные сливаться с преобладающим этносом.

Однако, исходя из своих представлений, Лебон убедительно объяснял события в истории разных народов резкими различиями их расовых свойств. Описав французскую революцию как «венец всех доктрин писателей XVIII века», он указал, что, освободив, по крайней мере, в теории отдельную личность, она изолировала ее от касты, семьи, от социальных и религиозных групп, заменив общество разрозненными людьми, не имеющими взаимной связи.

«Такая организация /новое государство, возникшее в результате революции – И.Б./ не может долго удержаться у народов, малоприспособленных по своим наследственным свойствам, учреждениям и воспитанию к тому, чтобы управляться без руководителей. Эти народы жадно добиваются равенства, но мало интересуются свободой. Свобода – это непрестанная борьба, мать всякого прогресса; в ней могут участвовать только самые способные, сильные люди; слабые же, как вообще в природе, обречены на гибель... Они скорее предпочтут самое тяжкое рабство одиночеству и отсутствию поддержки». – *Это глубокое суждение подтверждается примером разрушения советской империи после смерти Сталина и жалкой участью русского народа при демократической власти!*

Индивидуализм в понимании Лебона также противоположен по своему действию среди разных народов. «Молодые расы» /англосаксы, германцы.../, ассоциируясь, успешно борются против господства капитала. «Но в старых расах /латинского круга – И.Б./ последствия индивидуализма были очень тяжелы. Там революции породили новую, финансовую аристократию, господствующую над массой беззащитных людей. Формальное равноправие не приносит здесь пользы промышленным рабочим. Тут и возникает современный социализм, как и в древности, пытающийся разорить богатых в пользу неимущих».

*Из этих суждений Густава Лебона вытекает, что индивидуализм и коллективизм одинаково опасны для **старых рас**, обреченных, таким образом, на постепенное вырождение. Революции ничего не меняют в их социальных порядках. У **молодых же рас** борьба против капитала соединяется с неприятием социализма интернационального типа. «Ассоциации» этих рас выявляют коренное свойство национальной солидарности, отсутствующее у народов латинского типа. Поэтому революции бессмысленны и у народов, представляющих молодые расы, считал Лебон.*

Осуждение коллективизма, как общего свойства всех социалистических доктрин, ученый обосновывал действием закона природы. **«Уничтожить последствия естественного неравенства в теории очень легко, но никогда не удастся уничтожить сами эти неравенства. Они, как старость и смерть – роковая участь человека».** – «Если не истреблять систематически в каждом поколении всех сколько-нибудь возвышающихся над уровнем самой скромной посредственности, то социальные неравенства, порождаемые неравенством умственным, скоро бы восстановились». Нужно помнить, что Лебон подвергал суровой критике *социализм международного, прежде всего, марксистского толка*, которому и принадлежат требования конфискации капиталов и имущества, распределения их между гражданами с помощью огромной армии чиновников, суровая дисциплина и недопущение конкуренции. В этом режиме кроется «безусловное рабство рабочих», – утверждал ученый.

Лебона отличало неприятие социализма в любой форме. Анархию же он считал бессмысленным проявлением антигосударственного инстинкта, настаивая в то же время на необходимости ограничить роль государства самыми необходимыми функциями /тем поучительней высокая оценка этого мыслителя Жоржем Сорелем!/. «Социалисты-анархисты в теории примыкают к индивидуализму, они добиваются разрушения современного общественного строя, – писал Лебон.- Но какие чудеса преобразуют общество после его разрушения?... Очевидно, что с уничтожением современных цивилизаций человечество прошло бы все последовательные формы быта: дикость, рабство, варварство и т.д.». Как и Сорель, Густав Лебон указывал на домарксистское происхождение социалистических тео-

рий. Токвиль также считал, что все они восходят не к Марксу, а к Морелли, в труде которого «Code de la Nature» /1755г./ содержатся положения: общности имущества, права на труд, безусловного равенства, однообразия во всем, механической правильности в действиях отдельных лиц, тирании регламентаций, полного поглощения личности граждан в социальном строе.

Описывая распространение социалистических идей, ученый предложил собственную классификацию «рабочих классов», разделяя их на чернорабочих и ремесленников. Первые – низшие по умственным способностям и самые многочисленные. Социализм рассчитывает на них прежде всего. Этот класс сам никогда не начнет действовать, но примкнет ко всякой революции. Ремесленники стоят значительно выше чернорабочих. Они трудятся на стройках, в механических мастерских и в мелкой промышленности. Ремесленники презирают чиновников – «настоящих современных париев – ярых социалистов».

Лебон с сочувствием описывал «великодушного и доверчивого» рабочего, который «не имеет эгоизма, и в этом отношении стоит гораздо выше чиновника и буржуа, эгоизм которых очень развит». *Обращает внимание сходство этих оценок с мнением Сореля – твердого сторонника социализма. Активное неприятие обоими социологами буржуазного строя смягчало их разногласия даже в отношении социалистических идей /!/.*

Густав Лебон описал механизм вовлечения рабочих в революционное движение: «Политические идеи иногда захватывают рабочего, но он почти никогда не проникается ими. Он способен на один миг стать бунтовщиком, но никогда не обратится в фанатика... Его религиозные инстинкты трудноискоренимы. В этом – залог успеха социализма – этой новой веры». Все невзгоды рабочий считает делом правительства и потому легко соглашается на его смену. Если бы он знал, какие стеснения и регламентации грозят ему, рабочий стал бы врагом новой доктрины. Рабочий приветствует разрушение алтарей и тронов, но еще больше рад их восстановлению. Этот ход рассуждений Лебона целиком применим также к революции, совершаемой демократическим путем, как это было в 1991г. в России.

Пассивная роль трудящихся в подобных событиях объяснима тем, что замысел и осуществление революции всегда исходят от интеллигенции и чиновников, как части буржуазии, какую бы идеологию они себе не приписывали.

Суждения других социологов и историков подтверждают мнение Лебона. Так, де Лавелэ писал: «Много содействует успеху социализма то, что он постепенно охватывает образованные классы». Причины этого он видел в заразительности модных вероучений и в равнодушии, с которым эти классы встречают будущее.

– «В настоящее время социалистические стремления больше распространены среди буржуазии, чем в народе. Философы, литераторы и артисты покорно прижимаются к движению и деятельно способствуют его распространению, ничего, впрочем, в нем не понимая... Театр, книги, картины пропитываются слезливым и смутным социализмом, напоминающим гуманизм правящих классов времен французской революции».

Бурдо высказывался еще резче: «Нерешительная буржуазия надеется спастись посредством уступок, забывая, что это безумнейший прием политики, и что **нерешительность, мировые сделки, желание угодить всем – недостаток характера, за который мир всегда наказывал сильнее, чем за преступления**».

«Легкость, с которой высшие классы выпускают из рук оружие, побудит историков с презрением отметить их недалекость и не пожалеть их, – писал Лебон. **Когда возвания и нападки образованного меньшинства, горячо добивающегося своих целей, встречаются на пути только равнодушные, можно быть уверенным, что торжество такого меньшинства близко. Кто злейший враг общества, – то ли, кто на него нападает, или тот, кто не дает себе труда его защищать?**».

Пассивность буржуазии не мешает, впрочем, ее стремлению обогащаться любым путем. История русской революции 1917г. еще раз показала, что при необходимости она готова поживиться и за счет социализма, который на практике признаёт власть денег.

Густав Лебон психологически точно обнажил корни заурядного мышления образованных кругов, откуда буржуазия черпает революционные идеи. – «Полученные – те, кто не имеют других знаний, кроме книжных и, следовательно, не имеют никакого понятия о действительной жизни... Они – продукт наших университетов и школ – этих жалких фабрик вырождения, с губительной деятельностью которых нас познакомил Тэн и другие... Недовольный полуученый – самый злобный из всех недовольных... Общество, управляемое ареопагом профессоров, как мечтал О. Конт, не продержалось бы и шести месяцев». «Очень часто со стороны толпы и редко специалистами проявляются политический ум, патриотизм и чувство необходимости защищать общественные интересы, – писал Лебон. – **Толпа часто соединяет в себе дух своей расы и понимание ее интересов.** Толпой управляет инстинкт, а не разум, но разве бессознательные поступки не бывают очень часто более высокими, чем сознательные?».

«Влияние предков и теперь оберегает значительно одряхлевшие цивилизации, которым грозит сегодня многостороннее разрушение... Если и удастся иногда

приобретенным представлениям восторжествовать над врожденными, то только когда последние были уничтожены врожденными же представлениями противоположного свойства, например, при скрещивании представителей различных рас. Человек превращается тогда в *tabula rasa*. Он потерял свои наследственные представления; он стал помесью, не имеющей ни нравственности, ни характера, легко поддающейся под влияние, – писал ученый».

Из этих рассуждений Густав Лебон сделал замечательный вывод: разные классы общества, люди разных полов и «еще более разных народов» говорят на разных языках. В морали, религии, политике согласие возможно только когда люди одного происхождения. Поэтому **«борьба между классами и расами, а не их призрачное согласие составляют преобладающий фактор в истории»**. Обращает внимание, что в этот контекст вписываются *классы*, как части общества, подпадающие под расовые разграничения /*правлящий слой здорового общества*, как правило, занимает наивысшее положение в иерархии составляющих его рас/. **«В основе всех социальных задач постоянно кроется преобладающее влияние расы – этой верховной распорядительницы судьбами народов»**, – настаивал Лебон.

Ученый подтверждал многими примерами свою идею превосходства традиции над новаторством революционного толка. Когда художник воображает, что освободился от гнета прошлого, то он просто обращается к формам еще более старым, или искажает самые необходимые элементы своего искусства /например, применяя нереальные краски/. «Этими бреднями художник только подтверждает свое бессилие освободиться от влияния преданий и вековых обычаев», – писал ученый. – *Действительно, бесконечное разнообразие форм реалистического искусства противостоит голому формализму как живая натура мертвому манекену*. «Свободных мыслителей не больше нескольких дюжин в целую эпоху, – утверждал Лебон. – Только благодаря нескольким оригинальным, самостоятельным умам, которые появляются во все эпохи, каждая цивилизация освобождается мало-помалу от гнета традиций. Но так как такие умы редки, то и освобождение это совершается очень медленно».

Ученый пояснял, каким образом происходят драматические перемены в обществе. – «Мы не вышли из-под влияния нашего прошлого, так как человек не может от него избавиться, но мы перестали верить в принципы, на которых сошелся весь наш общественный строй... В морали, религии, политике нет уже признанных авторитетов. Отсюда правительства вместо того, чтобы руководить общественным мнением вынуждены считаться с ним, и подчиняются его непрерывным колебаниям. За отсутствием исчезающей власти общественное мнение становится хозяином положения, и так как к его услугам всемогущая печать, то роль правительства делается труднее с каждым днем, а политика государствен-

ных людей становится все более нерешительной и колеблющейся». *Это естественное следствие демократических процессов придает современной политике женственный характер, особенно опасный в государственных делах.*

«Такое громадное и колеблющееся могущество общественного мнения распространяется не только на политику, но на все элементы цивилизации, – подчеркивал Лебон. – Оно диктует художникам их произведения, судьям их приговоры, правительствам их образ действий». Американский публицист Годкин в книге «Страшные тенденции демократии» писал о губительном направлении американских газет, большая часть которых содержится спекулянтами. Их сила могущественнее злейших тиранов, потому что она безымянна, и они руководствуются личными интересами, чуждыми интересам страны, отмечал этот вдумчивый писатель.

Лебон привел собственное наблюдение: две наиболее влиятельные американские газеты, которые принудили США объявить войну Испании, редактируются: одна бывшим извозчиком, другая – очень молодым человеком, обладателем многомиллионного состояния. Их мнения, как страна должна пользоваться своей армией, кредитом и своими традициями, имели более веское влияние, чем советы всех государственных деятелей, философов и профессоров страны. *Подобного рода личности, которых без колебаний можно назвать социальными отбросами, и в XXI веке определяют политику демократических стран в Старом и Новом свете.*

Густав Лебон допускал возможность временной победы социализма в какой-либо европейской стране и даже признал его роль *отрицательного примера*, приводящего к «кровавым переворотам». – **«Социализм, может быть, возторжествует на короткое время главным образом благодаря своим проповедникам. Только они, эти убежденные люди имеют рвение, необходимое для создания веры – этой магической силы, преобразовывавшей в разные времена мир. Они владеют искусством убеждать, искусством одновременно тонким и простым, законам которого ни в каких книгах нельзя выучиться. Они знают, что толпа ненавидит сомнения, что она понимает только крайние чувства: энергичное утверждение или такое же отрицание, горячую любовь или неистовую ненависть. Они знают, как возбудить и развить эти чувства. Нет надобности, чтобы число таких апостолов было велико для выполнения этой задачи».** Лебон подтверждал свое суждение примерами Крестовых походов, успехами христианства, магометанства и буддизма, победой Французской революции.

Успехи социалистических идей ученый объяснял массовой психологией: «Защитники старого общественного строя очень слабо убеждены в правоте своего

дела... Они томительно пережевывают древние таинственные богословские и экономические формулы, давно затасканные и потерявшие всякую силу». С другой стороны, слепая вера фанатиков социализма «делает их гораздо опаснее диких зверей». Лебон называл их прирожденными преступниками из-за отсутствия личной корысти, но считал, что умственное состояние этих лиц подлежит ведению психиатра. Итальянский врач-криминолог Ч. Ломброзо думал так же: «Чем страннее и безрассуднее идея, тем большее число душевнобольных и истеричных людей она увлекает, особенно из среды политических партий, и эта идея поддерживает фанатиков в течение всей их жизни, служа им утешением за жизнь, которую они теряют, или за перенесенные ими муки».

«Преобладающая категория фанатиков социализма, – писал Лебон, – обширная семья дегенератов... Занимая благодаря своим наследственным порокам, физическим или умственным, низшие положения, из которых нет выхода, они становятся естественными врагами общества, к которому не могут приспособиться из-за неизлечимой неспособности и наследственности. Они – естественные защитники доктрин, которые обещают им лучшее будущее и, как будто, возрождение. Эти уродливые жертвы наследственности значительно пополняют ряды проповедников. **Особенность современных цивилизаций заключается, несомненно, в том, что они создают, и по странной иронии гуманности, поддерживают с самой близорукой заботливостью всё более возрастающий запас разных общественных отбросов, под тяжестью которых могут рухнуть сами цивилизации».**

*- Вот почему так опасна для общества в целом эта гипертрофированная опека разного рода дегенератов, предавшая забвению заботу об огромном большинстве здорового населения, особенно молодежи. Невольно вспомнишь советы Фридриха Ницше или практику древней Спарты, избавлявшей общество от подобных элементов. Лебон, однако, поторопился приписать защиту этих «отбросов» общественному гуманизму. Но так лидеры демократии, будучи сами продуктами вырождения, добиваются резкого сокращения числа достойных претендентов на руководство обществом. **Поскольку ученый отождествлял «социализм» с демократическим развитием, именно к демократии приложимы все его выводы.***

Подобно Жоржу Сорелю Густав Лебон выделял Германию, как особого рода государство, нарушающее схематизм строгих теоретических построений. Отметив, что социализм получил в Германии наибольшее распространение, особенно в средних и высших классах, он указал, что внедрением всеобщей воинской повинности прусский военный режим преобразовал Германию и «сделал ее изумительно способной воспринять государственный социализм». По его мнению, централизация этой страны после побед над Францией и Австрией уничтожила

частную инициативу и породила поглощение государством всех функций общественной жизни. «История показала, что такие большие монархии могут процветать лишь когда во главе их стоят выдающиеся люди; но так как такие люди появляются редко, то это никогда не бывает продолжительно», – считал Лебон. *Это меткое наблюдение подтвердилось через несколько десятилетий на примере Бисмарка, придавшего кратковременный блеск империи Гогенцоллернов.*

Любопытны злоключения «социализма» в Германии. Сначала Бисмарк покровительствовал социалистам, пока они не стали, как политическая оппозиция, неудобны правительству. Тогда против них приняли энергичные меры. В 1884-96 гг. социалисты получили в общей сложности 226 лет тюрьмы. В начале XX века социалистические тенденции в Германии проявлялись исключительно на парламентской почве. Германский «социализм» сливался с демократическим движением, добиваясь улучшения жизни рабочего класса. В теории немецкие социалисты отказались от существенных положений прежней доктрины, считая коллективизм устаревшей теорией.

Густав Лебон отождествил процесс государственной централизации с внедрением социализма, рисуя почти однообразную картину во всех странах за исключением Германии. О том, что социализм может иметь национальную окраску, гибкую форму и широкую общественную базу, исключая господство пролетариата или буржуазии, он не предполагал.

Ученый проследил также развитие социальных идей в Англии и США, подчеркнув существенные качества «английской расы»: инициативу, энергию, силу воли и внутреннюю дисциплину, избавляющую человека искать руководство «вне себя». Социальный идеал англосаксов он видел в сведении роли государства до минимума и в максимальной инициативе граждан. «Железные дороги, порты, университеты, школы и пр. создаются исключительно волей частных лиц, и государству, особенно в Америке никогда не приходится ими заниматься». Международное право для англичанина, ведущую суровую колониальную политику, – не больше, чем кодекс теоретической вежливости. «Как никакой другой народ, англичане имеют чувство солидарности лишь с людьми своей расы», – писал Лебон.

Все эти черты, по мнению ученого, отличают английских государственных деятелей от французских, «которые занимаются политикой, но не способны преследовать известную политику». Это противопоставление, объясняемое Лебоном «качеством расы», поддерживается воспитанием, непохожим на французское. Оно основано на презрении к книжному образованию и на уважении ко всему, что развивает характер. Профессиональное обучение там преобладает над книжным и классическим. Большую часть занятий в родительском доме,

школах и т.п. составляет ручной труд. Однако знаменитых ученых и мыслителей в Англии не меньше, чем в других странах, славящихся учеными силами, отметил Лебон сравнив «холодные» книги французских интеллектуалов и яркие сочинения Тиндаля, Тэна, лорда Кельвина и др.

Подтверждающие эти наблюдения расовые различия народов сохранились до настоящего времени, но их свойства искажены искусственным внедрением интернациональных мотивов, политикой Запада, смешавшей европейские народы с массой восточных и африканских пришельцев, моральной деградацией и общим упадком культуры. По этим качествам всё труднее отличить англичанина от итальянца, американца от француза...

Описывая ситуацию в Англии, Лебон сообщал, что социалисты там набираются не в зажиточных классах, а среди рабочих. Де Рузье подтвердил этот вывод, указав на то, что Англия готовит поколения способных граждан без насильственных переворотов и грубых политических преобразований. Там рабочие выходят в мировые судьи, в парламент и т.п. «Высокие качества английского рабочего, – писал Лебон, – результат характера расы, а не влияния окружающей среды, так как рабочие других рас /например, ирландцы в США и Англии/ не обнаруживают этих качеств». *Частые ссылки на расу придают более гибкий смысл социологическим наблюдениям Лебона, оставляя для читателя возможность сделать самостоятельные выводы.*

Ученый отмечал умеренное поведение английского рабочего, прибегающего к стачке лишь в случае замеченной им несоразмерности труда и зарплаты, поскольку тот «не желает разорения хозяина». «Он презирает обычное в латинской расе празднословие в адрес эксплуататоров и ненавистного капитала, зная, что капитал и труд подчинены фактору огромной силы – потребителю». Поэтому, считал Лебон, у англосаксов имеют мало шансов обычные для латинских народов представления о государственном социализме.

Лебон, однако, подметил беспокоящие его свидетельства «прогресса социализма в Англии» /в подобном контексте термин «социализм» приводится в смысле, придаваемом ему Лебоном – И.Б./ . – Адепты социализма пополняются там исключительно из рабочих плохо оплачиваемых ремесел, не способных к сложному труду. «Это они кричат, будучи одни в этом заинтересованы, о национализации земли и капитала и о попечительном вмешательстве государства».

Ученый не предвидел усиления американского диктата над Европой, препятствующего национализации в интересах европейских народов. В целом верно описав ситуацию в США, он и здесь пришел к ошибочным выводам: «В Америке социалисты обладают огромной армией приверженцев. Эта армия с каждым

днем растет и становится всё более грозной. **Она пополняется возрастающей волной эмигрантов чужой крови, не имеющих средств к существованию, людей без энергии... Они составляют сегодня громадный отброс».** Лебон пророчил начало «кровавой битвы» и «беспощадное истребление» пришельцев Америкой. Вместо этого до настоящего времени продолжается насыщение Америки иммигрантами неевропейского происхождения со всех континентов без всякого признака их ассимиляции. Ученый не представлял всю глубину будущего падения воспетой им расы.

Густав Лебон заключил свой труд уничтожающей характеристикой хорошо знакомых ему наций. – «Неокрепший национальный дух» – основное свойство латинских народов, к которым верный своей методике ученый причислял и тех, кто «не имел ни капли латинской крови, но в течение долгих веков находился под игом латинских идей». Эти народы «всякую неудачу приписывают не себе, а своим руководителям». Склонные, как заметил Цезарь, опрометчиво предпринимать войны, они приходят в уныние при первых неудачах. Они непостоянны, как женщины /Цезарь, «Галльская слабость»/. Для них характерно отсутствие внутренней дисциплины. Они кажутся склонными к политическим переворотам, но в действительности консервативны. Их революции изменяют одни названия. *Франция – лучший пример к этому описанию, доказывающий, что догматический консерватизм всегда вреден для наций. Представляя себя защитником традиции, он на самом деле затверждает сложившийся порядок, не желая и не смея предпринимать решительных действий, приводящих ситуацию в соответствие с требованиями времени. Другими словами, такого рода консерватизм не революционен и потому не имеет исторической перспективы.*

Для латинских народов, по словам Лебона, характерна «сверху вниз зависть, снизу вверх презрение». «Стремление к свободе у них слабо... Получив свободу, они стараются отдать ее какому-либо руководителю. Вот почему они их всегда ищут». – *Латинские народы только тогда играли заметную роль в европейской истории, когда во главе них стояли крупные личности /в новое время – это Наполеон, Муссолини, Франко/.*

Завершая анализ тенденций развития западной цивилизации, сопровождаемый психологическим проникновением в обширный исторический материал, Густав Лебон писал: **«Упадок народов происходит вследствие уменьшения, а затем исчезновения в нем высших элементов... Народы приходят в упадок и исчезают с исторической сцены не вследствие понижения умственных способностей, а всегда из-за ослабления характера».**

Все описанные Лебоном симптомы резкого упадка переживает демократическая Россия XXI века. **[Прим. ред. ВС: Демократия в России носит ярко выраженную**

форму чиновничьей деспотии и олигархии. Читайте статью Андрея Савельева «Диктатура и тирания».] В свое время Лев Тихомиров и Иван Ильин, надеялись на возрождение русского демократического сознания, будто бы лишённого недостатков, присущих демократии в ее западном облике, а Бердяев и Булгаков уповали на появление в ее рамках духовной аристократии. Однако демократия в любой форме не способна выделить из себя аристократический слой, будучи низкой по духу, по существу и по составу правящих лиц. Напротив, она всегда подавляет усилия аристократичных натур придать обществу благородный вид.

К тому же русское дворянство начала двадцатого века, на которое принято ссылаться, как на образец служения России, не может служить примером подлинной аристократии. Эти выродившиеся отпрыски ведущего сословия практически в полном составе изменили царю и военной присяге в 1917г., вступали в либеральные белогвардейские армии и в масонские ложи за рубежом.

Возрождение сильной независимой России возможно лишь с появлением ряда героических натур, порожденных близостью к русской земле, из недр крестьянства. Только отсюда может выйти новая аристократия, способная повести за собой народ. **«Аристократизм составляет закон для человеческих обществ, подобно тому, как он под именем естественного подбора является законом для видов»**, – писал Лебон. – **«Народам, живущим не земледелием, а только промышленностью и торговлей, грозит наибольшая опасность»**. *Трусливое и бессильное городское население с его жалким существованием на подачки коллаборационистской власти может стать лишь послушным материалом для решающих перемен. Полная переделка народного сознания – это дело будущего государства, освобожденного от государственных преступников и предателей.*

Фридрих Великий говорил: «Военное искусство нужно для процветания всех остальных... Государство держится в той мере, в какой оно защищено оружием». «Недалеко то время, когда для слишком слабых народов уже не будет места на земле... Всякий ослабевающий народ непременно делается добычей своих соседей», – утверждал Густав Лебон. Ученый предвидел результаты борьбы за мировое преобладание, превращение Китая в первый коммерческий центр мира и регулятор рынков. – «Мы на заре гигантской борьбы за раздел Востока. Разоружения не представляются осуществимыми в близком будущем». Но промышленная и коммерческая борьба убийственнее обычной войны. «Она, возможно, уничтожит некоторые великие народы, чего никогда не удавалось самым многочисленным армиям. Эта борьба неумолима. **Победить или исчезнуть – другого выбора нет».** **«Человеку, борющемуся когда-то за свой очаг, свое отечество или своих богов, угрожает опасность руко-**

даться одним идеалом – есть вдоволь, или, по крайней мере, не умереть с голоду», – предостерегал Лебон.

Ученый возлагал чрезмерные надежды на незыблемые экономические законы, которые сдержат тенденции усиления государственной власти, не предполагая, что государства будут слабеть вместе с экономикой. На деле, правительства крупнейших держав в XXI в., вовлеченные в мировые финансовые махинации, препятствуют нормальному хозяйственному развитию, основанному на здоровой конкуренции, и способствуют всеобщей культурной деградации, действуя против интересов своих народов. Таким образом, не социализм, как считал Лебон, а мировая финансовая власть, стоящая за спиной президентов и премьер-министров, угрожает опрокинуть цивилизацию и погрузить человечество в варварство.

Суровая критика государства с разных позиций Прудоном, Сорелем и Лебоном дает законченный образ социального строя, которого следует избегать при всех обстоятельствах. Когда разномыслящие ученые крупного масштаба сходятся в главной точке своих воззрений, это означает абсолютную верность объединяющей их идеи – осознания гибельности загнивающей демократии и омертвелого парламентаризма. Тогда представляются второстепенными разделяющие их противоречия. Идея насилия, на котором настаивал Сорель, не пугала более миролюбивого Прудона, и даже Лебон в своем презрении к буржуазии допускал применение силы против этого деградирующего сословия.

Национальный социализм, как самостоятельная государственная форма, не попал в поле зрения этих выдающихся мыслителей. Нужно было новое время, чтобы свести воедино социальные и политические мотивы, породившие это необыкновенное явление. Новому строю предстоит взять под контроль двусмысленный класс буржуазии, без которого невозможна социальная жизнь. Так преодолеваются противоречия между развитой индивидуальностью и сильным государством. Но свободное от догматизма мышление французских ученых смело вводило в политические схемы будущего то, что казалось невозможным в их время. Густав Лебон размышлял о роли *вождя* в грядущих событиях, а Жорж Сорель писал в конце жизни: «Социализмов столько, сколько наций».

Требуют также обобщения неоднократно высказанные Лебоном идеи о политическом своеобразии Германии и ее особом месте в системе мирового хозяйства, дополненные ценными свидетельствами Прудона и Сореля. Лебон писал о «мудрой организации Германии», которой угрожает общее развитие мировой экономики в сторону уравнивания потенциалов ведущих держав. Всё написанное им о Германии доказывало тотальное превосходство ее экономики в ряду крупных стран, во всё большей мере основывавших свое процветание на междуна-

родных денежных спекуляциях. Это стало главной причиной организации Второй мировой войны финансовыми спекулянтами Запада, прежде всего, – еврейским капиталом. Эти круги стремились сорвать национальный подъем в Германии, не желавшей подчиняться мировому порядку, основанному на власти денег.

«Нет того права и правосудия, которые можно было бы противопоставить могуществу миллиардов. Законы молчат перед ними, как они молчали в былое время перед завоевателями», – писал Лебон. Деградация буржуазии пугала ученого вместе с угрозой социализма: **«Научимся защищаться от грозящих нам внутренних врагов, пока не придется бороться с подстерегающими нас врагами внешними».**

Предостережения Густава Лебона не только не утратили значения, но обнаружили новый смысл. Каста международных паразитов, представленная фигурами Ротшильдов и Сороса, разрушают мировое хозяйство гигантскими спекуляциями. Теперь их удары направлены против Германии, делающей робкие шаги по освобождению от пут финансовых мародеров. Россия также подпала под власть вредоносных социальных сил, освобождение от которых – единственный путь к восстановлению независимости и мощи государства.

Посетите Библиотеку Велесова Слобода, где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также Архив сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).